

Лауреат
Пулицеровской премии

Лауреат Национальной
книжной премии США

ДЖОН АПДАЙК

ИСТВИККИЕ
ВДОВЫ

18+

PREMIUM

Азбука Premium

Джон Апдайк

Иствикские вдовы

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Апдайк Д.

Иствикские вдовы / Д. Апдайк — «Азбука-Аттикус»,
2008 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-12193-5

Триумфальное возвращение дьявольской троицы ведьм из города Иствика! Продолжение знаменитой истории, написанное Апдайком двадцать четыре года спустя после «Иствикских ведьм», стало последним произведением американского классика. Александра, Джейн и Сьюки давно не живут в Иствике, однако ни одна из них не может забыть о невероятных событиях, приключившихся с ними много лет назад. И вот, похоронив своих последних мужей, ведьмы решают отправиться в места былой славы, не подозревая, какие удивительные события ждут их на этот раз. Созданный Апдайком в 76 лет (за год до смерти), роман «Иствикские вдовы» подводит черту под всем творчеством писателя, в нем пронзительно звучит мотив встречи с собственным прошлым, а также убеждение в том, что жизнь прекрасна и удивительна независимо от возраста человека.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-12193-5

© Апдайк Д., 2008

© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

I. Возрожденный шабаш	6
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Джон Апдайк

Иствикские вдовы

*Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не разят планеты,
Безвредны феи, ведьмы не чаруют, —
Так благостно и свято это время.*

У. Шекспир. Гамлет, акт I, сцена 1

John Updike
THE WIDOWS OF EASTWICK

Copyright © 2008, The Estate of John Updike

* * *

Джон Апдайк, известный американский писатель, лауреат многих престижных наград, в числе которых две Пулицеровские премии, принадлежит поколению писателей, становление творчества которых пришлось на 1960-е годы. В этот период властителями дум молодых американцев были прежде всего писатели-бунтари, высказывавшие от лица нового поколения недовольство той системой ценностей, которая сложилась в обществе. На этом фоне Апдайк сумел сохранить собственный голос, создавая увлекательные произведения, такие как романы о Гарри Энгстроме по прозвищу Кролик, «Иствикские ведьмы», «Кентавр» и многие другие.

«За одно поколение редко появляется более двух или трех действительно первоклассных писателей. И Апдайк, безусловно, один из самых тонких пишущих в последние годы художников».

Владимир Набоков

Великолепная книга! Литература, ставшая магией!
The New York Times Book Review

Проза Апдайка жива и непреходяща. Ее чудеса, ее чувственность, остроумие, глубина сохраняют свою свежесть для многих поколений преданных читателей.

Los Angeles Times

Книги Апдайка одновременно трогательны, умны и остроумны. Он может заставить читателя смеяться и плакать над одной и той же страницей.
The Houston Chronicle

I. Возрожденный шабаш

Те из нас, кому была известна их омерзительная и скандальная история, не удивились, когда из разных мест, где ведьмы обосновались, сбежав из нашего милого городка Иствик, штат Род-Айленд, стали доноситься слухи о том, что мужья, которых эти три богооставленные женщины состряпали себе с помощью своих темных чар, оказались недолговечными. Нечестивые методы дают слабый результат. Да, Сатана симулирует творение, но низкопробными средствами.

Александра, старшая по возрасту, самая дородная по комплекции и наиболее близкая по характеру к нормальной человеческой натуре, овдовела первой. Как случается с очень многими женщинами, внезапно обретшими свободу одиночества, первым ее порывом было – пуститься в путешествия, как будто широкий мир, познаваемый посредством эфемерных посадочных талонов, томительного откладывания рейсов и неотчетливого, но, безусловно, существующего риска полетов во времена растущих цен на горючее, угрозы банкротства авиакомпаний, наличия террористов-самоубийц и накапливающейся усталости металла, способен принести плодотворное воздаяние за неутраченное желание иметь спутника жизни. Джима Фарландера, мужа, которого она себе колдовским способом сотворила из выдолбленной тыквы, ковбойской шляпы и щепотки земли с Запада, соскобленной с заднего крыла пикапа с колорадскими номерами, замеченного ею припаркованным на Оук-стрит в начале семидесятых и выглядевшего там на удивление неуместно, когда их брак устаканился и окреп, оказалось почти невозможно оторвать от его гончарной мастерской и редко посещаемой покупателями керамической лавки, находившейся в захолустном переулке в округе Таос, Нью-Мексико.

Представление Джима о путешествиях ограничивалось часовой поездкой на юг, в Санта-Фе; его представление о выходных – днем, проведенным в одной из индейских резерваций – навахо, зуни, апачи, акома или ислета пуэбло, – где он высматривал, что предлагают в своих сувенирных гончарных магазинчиках американские аборигены. Он всегда надеялся задешево прикупить найденный в таком магазинчике, в каком-нибудь запыленном индейском шкафу, подлинный старинный кувшин с типичным для племени пуэбло черно-белым геометрическим узором или хохокамский красно-желто-коричневый сосуд для хранения жидкостей, с орнаментом из сложнопереpletенных спиралей, который он смог бы за небольшое состояние всучить недавно благодетельствованному пожертвованиями музею одного из буржуазных курортных городков юго-запада. Джиму нравилось сидеть на месте, и Александра это в нем любила, поскольку, будучи его женой, являлась частью этого места. Она любила его за стройность и стать (у него до самого дня смерти был плоский живот, притом что он никогда в жизни не делал никакой гимнастики), ей был приятен седельный запах его пота и глиняный дух, который, словно изображенная легкой сепией аура, навечно прирос к его сильным и умелым рукам. Они познакомились – на естественном уровне, – когда она, уже некоторое время состоявшая в разводе, слушала курс в род-айлендской Школе изобразительных искусств, где он временно преподавал. Четверо пасынков и падчериц – Марси, Бен, Линда, Эрик, – которых она взвалила ему на шею, не могли и мечтать о более спокойном, более умиротворяющем, молчаливом заместителе отца. С ним ее детям – в любом случае уже наполовину вылетевшим из гнезда, Марси к тому времени сравнялось восемнадцать – было легче ладить, чем с собственным отцом, Освальдом Споффордом, коротышкой – поставщиком кухонного оборудования из Нориджа, штат Коннектикут. Бедолага Оззи так самозабвенно участвовал в деятельности бейсбольной Лиги малышей и играл в кегли за команду сантехнической компании, что никто, даже его собственные дети, не принимал его всерьез.

Джима Фарландера люди, особенно женщины и дети, принимали даже очень всерьез, отвечая на его хладнокровную молчаливость такой же сдержанностью. Его спокойные серые

глаза мерцали, как вороненая сталь, из-под отбрасывавшей тень на лицо широкополой шляпы, тулья которой потемнела там, где он обычно прикасался к ней большим и указательным пальцами. Работая за гончарным кругом, он обвязывал голову вылинявшей голубой банданой, чтобы собранные на затылке в конский хвост восьмидюймовой длины волосы – поседевшие, но все еще перемежавшиеся прядями натурального выгоревшего на солнце золотисто-каштанового цвета – не попали в мокрую глину, вращающуюся на круге, который приводился в движение ногой. Еще подростком упав с лошади, Джим остался хромым, и круг, который он отказывался снабдить электрическим приводом, хромал вместе с ним, пока из вращения бесформенного куска глины его мускулистые, сильные руки формировали, вытягивая вверх, изящные сосуды со стройными талиями и пышными задками.

Приближение его смерти Александра впервые почувствовала в постели. Его эрекция начинала увядать, стоило ей достичь кульминации раньше, чем он; тогда осязаемо чувствовалось, как в сплетении мышц его лежащего на ней тела наступает расслабление. Было некое вызывающее изящество в его манере одеваться: остроносые ботинки ванильного цвета, плотно облегающие джинсы с множеством заклепок на карманах и хрустящие клетчатые рубашки с манжетами на двух пуговках. Когда-то бывший в своем роде денди, он теперь позволял себе носить одну и ту же рубашку два, а то и три дня кряду. На скулах стали заметны белые волоски, остававшиеся после бритья то ли от небрежности, то ли по причине плохого зрения. Когда из больницы начали приходить зловеще плохие результаты анализов крови и затемнения на рентгеновских снимках стали очевидны даже ее непрофессиональному взгляду, он встретил это известие со стоической апатией; Александре приходилось вести с ним настоящую борьбу, чтобы заставить сменить задубевшую рабочую одежду на что-нибудь более приличное. Они влились в ряды пожилых супружеских пар, которые заполняют приемные покои больниц, где из-за нервного состояния сидят тихо, как родители с детьми перед показательными выступлениями в школьном отчетном концерте. Александра замечала, как другие пары праздно глазят на них, пытаясь догадаться, который из супругов болен и обречен; ей не хотелось, чтобы это всем было понятно. Она, словно мать, впервые ведущая ребенка в школу, старалась, чтобы Джим выглядел как можно лучше; это было для нее делом чести. Те тридцать с лишком лет, что минули после того, как она покинула Иствик, они прожили, по своим собственным правилам, в Таосе; там вольный дух Лоуренсов и Мейбл Додж Лухан¹ все еще осенял спасительной тенью останки племени художников-эпигонов – сильно пьющую компанию суеверных в духе новой эры кустарей, которые с печалью все больше и больше предназначали свои изделия, выставленные в витринах собственных магазинов, скорее на потребу скаредным невзыскательным туристам, нежели на суд богатых местных коллекционеров юго-западного искусства. Александра возобновила было производство своих керамических «малышек», которых так приятно держать в руках, – безлицых, безногих женских фигурок в грубо намалеванной одежде, скорее напоминавшей татуировку, – но Джим, в искусстве будучи, как и все художники, ревнивым диктатором, мягко выражаясь, не горел великодушным желанием делить с ней свою печь для обжига. Так или иначе, миниатюрные женщины с расщелиной гениталий, смело впечатанной в глину с помощью зубочистки или пилки для ногтей, принадлежали неуютному предыдущему периоду ее жизни, когда она с двумя другими род-айлендскими разведенками, не имея достаточного опыта, практиковала обывательскую разновидность колдовства.

Болезнь Джима заставила и ее, и его покинуть безопасный приют эстетствующего Таоса и вывела в более широкий мир, в долины хворых, к огромному стаду, бегущему, словно ударившиеся в панику бизоны, навстречу гибельному обрыву. Вынужденная социализация – беседы

¹ Мэйбл Додж Лухан – известная аристократка и интеллектуалка, чьи салоны в Нью-Йорке и Флоренции привлекали артистическую и интеллектуальную элиту. Ее друзьями были Пабло Пикассо, Гертруда Стайн, Андре Жид, Артур Рубинштейн, Джон Рид. – *Здесь и далее примеч. перев.*

с врачами, большинство из которых вселяли тревогу своей молодостью; стычки с медсестрами, от которых приходилось требовать сострадания и внимания, поскольку госпитализированный пациент был слишком подавлен и слишком по-мужски горд, чтобы просить о чем-то самому; необходимость выказывать сочувствие другим, находившимся в таком же положении, как и она, тем, кому вот-вот предстояло овдоветь, – еще недавно она избегала встреч с такими людьми на улице, а теперь обнималась и плакала вместе с ними в антисанитарных больничных коридорах, – все это подготовило ее к путешествиям в компании незнакомцев.

Прежде она никогда не поверила бы, что с уходом Джима образуется такая пустота: его отсутствие по утрам было оглушительным, как крик петуха на рассвете; и ей все еще казалось, что свои вечерние невозвращения он может в любой момент отменить шаркающим звуком ботинок, в которых, хромя, пройдет через переднюю, или скрипом гончарного круга, который донесется из мастерской. Через три месяца после его смерти Александра записалась на десятидневный тур по канадской части Скалистых гор. Ее прежнему замужнему избалованному «я» богемной снобки, гордившейся небрежной мужской манерой одеваться и исключительной приватностью образа жизни, предстояло подвергнуться шпионскому вторжению со стороны притворного товарищества организованной туристской группы. Она предвидела ежедневную обязанность вставать в определенное время, набивать желудок в гостиничном буфете самообслуживания, перед тем как отправиться на осмотр дневной порции чудес, и попытки преодолеть, непреодолимое впрочем, желание вздремнуть в качающемся автобусе, сидя в липкой близости к чужому телу – обычно телу другой отважной вдовы, страдающей избыточным весом и бессовестно болтливой. За этим последуют наполненные беспокойными шорохами и таинственными красными огоньками бессонные часы в широченной кровати, предназначенной для двоих. Гостиничные подушки всегда бывают набиты слишком плотно, и голова покоится на них слишком высоко, так что просыпаться она будет словно с похмелья, с затекшей шеей, удивленная тем, что ей вообще удалось заснуть. Соседняя подушка останется непрямой. И до ее сознания каждое утро будет доходить, что она никогда больше не станет половиной супружеской четы.

Но, будучи родом из Колорадо, Александра находила занятной идею проехать через Скалистые горы на север, в другую страну, волнующий и яркий пейзаж которой не тешил ненасытного тщеславия Соединенных Штатов. Канада, как оказалось, обладала и другими достоинствами: тамошние аэропорты не поддались искушению повсюду устанавливать телевизоры, из которых непрерывно изливается неотвратимое бормотание; привычный североамериканский говор смягчен здесь несколькими выжившими шотландскими гласными, а архитектура общественных зданий являет образец имперской степенности в серых тонах. Подобная национальная идентичность есть следствие разумного духа делового предпринимательства и скрепляет провинции, словно гигантские бусины, нанизанные на единую железнодорожную линию, куда лучше любых евангелических проповедей о Явном Предначертании Судьбы – явном только для ее англопреступников, которые метнули слипшийся комок Соединенных Штатов на запад, а потом и дальше, через все океаны, туда, где их солдаты-мальчишки теряли конечности и умирали. Ежедневная дань, которую смерть собирала в Ираке, кого угодно была способна сделать эскапистом.

С другой стороны, в канадских ресторанах, видимо, бытовало мнение, что Фрэнк Синатра и Нат «Кинг» Коул – последнее слово в музыкальном сопровождении действительности, а гигантские круизные лайнеры, стоявшие в доках Ванкувера, направлялись оттуда лишь на пугающе холодную Аляску. Канада, чьи тундра, ледяные просторы и протянувшиеся на много миль леса спрессовывали ее население вдоль сорок девятой параллели, в порядке самозащиты лелеяла Природу, пытаясь сделать из нее домашнего любимца, и ради туристских долларов разрабатывала жилу ностальгии и добродетельности, которые сами по себе изначально свойственны человеку. Вернуть Природу – кто бы стал против этого возражать? Однако, с точки

зрения Александры, в тотемных столбах и американских лосях было что-то неистребимо буржуазное. Она чувствовала себя здесь словно запертой на чердаке, набитом звериными чучелами. Природа была ее союзницей по колдовству, и все же она не доверяла ей, как не доверяют бессовестному убийце, моту и слепцу.

Проведя день в Ванкувере и еще один – в очень экстравагантной Виктории, вся группа – сорок путешественников, среди которых не было ни одного молодого, а восемь человек были австралийцами, – погрузилась в спальный поезд и в ночи потащилась на север. Проснулись они в горах, слепивших желтизной мелькавших за окнами осин. Для группы был зарезервирован специальный экскурсионный вагон; неуверенно вошедшую в него после плотного завтрака, который подавали в вагоне-ресторане балансировавшие на ходу официанты, Александру уже занявшие свои места супружеские пары приветствовали нерешительными улыбками. Она села на одно из немногих оставшихся свободными мест и отчетливо ощутила пустоту сбоку от себя, как будто из-за огромного безобразного нароста на щеке лицо ее утратило симметрию.

Впрочем, ей все равно никогда не удалось бы уговорить Джима пуститься в подобную авантюру. Он терпеть не мог другие страны, даже Виргинские острова, куда в первые годы их брака она несколько раз смогла-таки заставить его ее повезти, чтобы отдохнуть от долгой таосской зимы и пробок, которые в лыжный сезон постоянно возникали на дороге 552. Они прибыли тогда в Сент-Томас в арендованном «фольксвагене-жуке» ближе к концу дня и, как оказалось, попали в вечерний час пик, при этом Джиму впервые в жизни пришлось вести машину по левой стороне шоссе. Хуже того, их окружали чернокожие водители, находившие расистское удовольствие в том, чтобы вплотную прижиматься к ним бамперами и выражать свое неудовольствие по поводу малейшего проявления Джимом шоферской нерешительности долгим и презрительным гудением клаксонов. Хотя в конце концов им удалось найти свой пансионат в конце дороги, на которой почти не было дорожных знаков, Джим обгорел в первый же день, презрительно отвергнув ее неоднократные предложения помазаться солнцезащитным кремом, и они едва не умерли, отравившись каким-то салатом с моллюсками. С тех пор каждый раз, чувствуя себя побежденным в обмене претензиями, он напоминал ей во всех подробностях о той неделе, которая чуть не угробила его – за двадцать пять лет до того, как он действительно умер.

Здесь, в канадских горах, не было видно ни машин, ни даже дорог, только рельсы и туннели, через которые поезд натужно тащил их все выше в горы, обрызганные золотом трепещущей осенней листвы.

– Это пик Робсона! – взволнованно сообщила мужу женщина, сидевшая позади Александры.

Австралиец, занимавший кресло через проход от нее, пытаясь выказать дружелюбие, повторил:

– Впереди пик Робсона, – словно она была не только одинокой, но и туговатой на ухо.

Другой голос, из-за его спины, не австралийский, менее энергичный, чуть тронутый акцентом, характерным для американского Юга, принялся объяснять ей – все остальные при этом внезапно сделались очень заботливыми, словно обращались с дефективным:

– Это самая высокая вершина в канадских Скалистых горах.

– Вот как? Уже? – воскликнула Александра и, сообразив, что прозвучало это глупо, попыталась перевести все в шутку: – Я имею в виду... я думала, что его приберегут напоследок.

Никто не засмеялся – может, не услышал или не понял ее шутки. Поезд как раз втягивался в длинный поворот, и сияющая вершина горы скрылась из виду за чащей осин; пик имел на удивление правильную форму – как пирамидка из детского конструктора, только белая.

– Какая у него высота? – громко поинтересовалась Александра, решительно настроенная побороть ощущение, будто ее здесь нет.

И снова вызвала к жизни утишающую интонацию.

– Почти четыре тысячи метров, – вызвался ответить австралийский голос.

Она затруднилась перевести эту информацию из метрической системы в понятную, но, позаимствовав немного ксенофобии у покойного мужа, вообще отказалась от попытки. Чутьочку южноамериканский голос понял это и пояснил:

– Это около тринадцати тысяч футов, мэм.

– Бог ты мой! – воскликнула Александра, начиная получать удовольствие от собственной неосведомленности. Она повернула голову, чтобы посмотреть на своего «просветителя». Тот оказался долговязым, как Джим, с худощавым лицом, покрытым глубокими складками, и с усами, достаточно длинными, чтобы кончики чутьочку свисали. Его одежда – вылинявшие облегающие синие джинсы и рубашка в красную клетку с длинными рукавами – тоже напоминала о Джиме.

– Благодарю вас, – сказала она более тепло, чем намеревалась. Возможно, этот мужчина с печальным достоинством в облике был вдовцом. Или пребывал в ожидании, что какая-нибудь «неходовая» жена составит ему компанию в этом экскурсионном вагоне.

– Пика Робсона нет в программе нашего тура, – втолковывала Александре сидевшая у нее за спиной жена, она говорила ей прямо в ухо проникновенным, немного раздражающим голосом. – Он находится в другом национальном парке, не в Джаспере.

– Похоже, я плохо выполнила домашнее задание, – покаянным тоном ответила Александра, испытывая приступ гнева – застарелого, несдерживаемого, ведьмовского, убийственно-безумного гнева, который, как ей казалось, она давно переросла. Почему у этой женщины, заурядной и сварливой, судя по голосу, есть живой муж, а у нее, Александры, нет, и почему она сидит здесь, со всех сторон открытая для благожелательного вторжения чужих людей?

– Я тоже так делаю, – ободрил ее австралиец. – Учусь по ходу дела. Это моя жена загодя читает книжки.

– И следит за тем, чтобы не забыть билеты и паспорта, ленивый засранец, – шутливо парировала его жена натренированным тоном завзятой жалобщицы.

Поезд, катившийся более гладко, чем американские поезда, поскольку Канадские национальные железные дороги клепают и поддерживают в хорошем состоянии правительство, продолжал, рассекая носом воздух, забираться все выше к небу. Пик Робсона снова появился над линией деревьев, теперь его белизна была исчерчена черными полосами – лишенными снежного покрова заплатами, гранеными так, словно пик был до некоторой степени высечен, как кремневое орудие первобытного человека. Пронзительно-кобальтовая синева открыточного неба давила на эти вогнутые контуры, пока пик не исчез снова за волнами желтой листвы.

– Здесь сказано, – громко оповестила австралийская жена, уткнувшись в путеводитель, – что впервые пик был покорен в тысяча девятьсот тринадцатом году каким-то типом из Австралии по фамилии Каин. Ка-а-и-эн. Здесь также говорится, что канадские горновосходители не любят, когда иностранцы первыми покоряют их горы. Утерли мы им их красные носы.

Александра вздохнула и опустила веки, решив, что с нее достаточно. Она хотела освободить их всех от необходимости и дальше оказывать ей внимание. Высокий рост, несколько широковатая кость, густая каштановая шевелюра, до сих пор поседевшая лишь отчасти, в молодости придавали ей осанистый вид, теперь же, когда она стала старой и одинокой, эти особенности бросались в глаза, и это ее смущало. Каин, Каин, думала она, первый человек, совершивший настоящий грех, куда худший, чем съесть яблоко с древа познания. Зарезал брата, Авеля.

Тридцать лет назад Александра умертвила сестру-ведьму: они со Сьюки Ружмонт и Джейн Смарт убили малышку Дженни Гейбриел, хотя в свидетельстве о смерти причиной кончины были названы метастазы злокачественной опухоли яичников. Это проклятие навсегда осталось с Александрой и мрачно глодало ее изнутри, даже когда она бодрствовала. Однако,

ничтожное, как земляной червь, в дневное время, по ночам, во сне, оно разрасталось и грозило заживо сожрать ее. Сны снова и снова возвращали ее к тому сумасшедшему периоду ее жизни, когда Даррил ван Хорн взял в жены не одну из них трех, а более молодую женщину, светло-волосую, с кожей цвета слоновой кости, с невинными голубыми, как лед, глазами – слишком, черт возьми, невинную, как казалось более зрелым ведьмам. Будь Дженни менее невинна, будь она такой же порочной, как они, они смирились бы с тем, что она обошла их, выйдя замуж за человека, который, как выяснилось в конце концов, был безразличен к женщинам и даже не богат, как, поддавшись внушению, думали они поначалу, поскольку то была бы игра равных партнеров. Они сами вымыслили того мужчину, состряпали из собственных представлений и чаяний.

Во сне Александра часто, ступая замерзшими ногами по предательски болотистой, кочковатой земле, искала в зарослях ежевики нечто убийственное – обернутое в фольгу восковое яйцо смерти, которое, если его найти, могло предотвратить кончину Дженни. Она его так и не нашла, иногда ей снилось, что она принимает за него мячик для гольфа, перепачканный продуктами чьей-то жизнедеятельности, а иногда – крохотный скелет человеческого младенца, умершего от голода и холода. Тогда она просыпалась, вздрогнув от испуга, и вспоминала о своих детях, о том, как наплевательски относилась к ним, как пренебрегала ими, хотя все четверо были живы, но обитали далеко от нее, в четырех разных штатах, со своими собственными детьми и болезнями среднего возраста. Они были вне пределов ее досягаемости, она не могла ни помочь, ни навредить им, ее воспитание, сколь угодно несовершенно, теперь не было над ними властно. Грехи не давали ей уснуть. Когда-то здесь, рядом, лежало теплое длинноногое тело Джима, его шумное от курения дыхание оглашало хрипами тьму, его прокисший мужской запах наполнял кубическое пространство спальни, ночную черноту прямоугольных окон которой выбеливал лунный свет. Его интимное присутствие останавливало бешеный поток неконтролируемого ужаса из сновидений, который плющил ее более молодое «я», как вода, неотвратимо заполняющая запертую снаружи каюту тонущего корабля; события тех времен путались, но были безошибочно узнаваемы, она отчаянно желала отменить сделанное, ее душа оставалась навечно законсервированной в чувстве вины, как эмбрион со вперившимися в вас открытыми глазами – в формальдегиде.

По мере того как зрачки ее блуждали по комнате в поисках клочков света, она начинала понимать, что те, бывшие обстоятельства давно минули. Дженни Гейбриел мертва – как тот маленький скелет из ее сна, – а мужчина, похрапывающий у нее под боком, – ее мужчина, муж, который по-своему, отвлеченно, любит ее той любовью, которая остается у него от его драгоценных горшков и ваз с их чувственными губами-горлышками и гибкими талиями. Ни один мужчина не способен любить так, как любит женщина, у мужчин для этого нет необходимого органа. Сбежав из Иствика, Александра решила впредь быть хорошей женой, лучшей, чем она была для бедного Оззи. Когда в те первые годы их совместной жизни Джим возвращался из «Орлиного гнезда» или «Трех Педро», благоухая алкоголем и не без бравады отвечая на ее вопросы о вероятных встречах с другими женщинами, она подавляла свои чувства, по предыдущему опыту зная, как может отравлять душу ревность собственницы. И вечеров, которые он проводил вдали от нее, становилось все меньше; он понимал, каких усилий ей стоит прощать его, и, в свою очередь, пусть нехотя, платил ей за это большим уважением и становился более ручным.

Теперь иствикские воспоминания продолжали накатывать вновь и вновь, но сухопарого тела Джима не было рядом, когда она от них пробуждалась, реальность составлял гостиничный номер, в котором пожилая женщина развешивала для просушки свое старомодное белье размера XL на веревке в ванной комнате. Красные огоньки, как глаза маленьких драконов, мерцали изо всех углов, означая что-то ей неведомое. Противопожарная сигнализация, догадалась она. Или предупреждение о разряжающейся батарее. Или о какой-то необъяснимой опасно-

сти. Видя в зеркале бледное облако собственного отражения, она чувствовала себя бесформенной в своей ночнушке. Ее тело под ней издавало тот сладчайший душок, какой бывает, когда варишь цветную капусту, или какой исходит от изнаночной стороны клеенки, – такой запах она, бывало, улавливала своим чувствительным детским носом у своей бабушки. Утерли их красные носы, как сказала эта австралийская сука.

* * *

По мере того как туристский маршрут разворачивался далее на юг, от Джаспера к Калгари, через ряд огромных старых курортных отелей, разбросанных повсюду канадским честолюбием и старательно оформленных искусными шотландскими мастерами, Александра все пристальнее присматривалась к долговязому мужчине с усами и южным акцентом. Будучи единственными в группе одиночками, они неизбежно оказывались рядом по дороге к смотровым площадкам и пунктам чудовищного обжорства, зачастую сидели за одним столом, хотя всегда в компании других туристов. Легче всего было подсесть к низкорослой азиатской чете – тайванцу и малайке, – всегда радостно готовой поболтать, но труднопонимаемой; к ним присоединиться было гораздо легче, чем к другим американцам, которые нюхом чуяли в Александре нечто оккультное и отталкивающее и догадывались, что их приземленно-самодовольное умонастроение и простонародный жаргон вызывают у нее снобистское презрение, и легче, чем к восьмерке австралийцев – красивых, состоятельных и нагло счастливых, оттого что хоть на несколько недель удалось вырваться из своей Антиподии. Проев и пропив себе дорогу через Скалистые горы, они собирались отправиться дальше, пожирать Техас с его стейками и родео, а потом – в Новую Англию с ее лобстерами и пышной зеленью.

– Однако, – заметила Александра, обращаясь к одной чете – некоему типу и его бабенке, являвшим собой два тендерных аспекта одной и той же закаленной австралийской индивидуальности, – лучшая часть сезона к тому времени может быть уже позади.

– Ну, кое-что кое-где все же останется, – бодро ответил мужчина. – А мы, так и быть, экстрополируем.

– В нашем путеводителе, – подхватила его жена, – сказано, что там все зеленеет до середины ноября. Нам смерть как хочется увидеть эти прелестные деревенские лужайки с белыми пуританскими церквями.

– Многие из них за минувшие годы сгорели дотла, – сообщила супругам Александра с горячностью, поразившей ее самое, – и на их месте возведены уродливые уцененные «мыльные пузыри» из стекла и стали или типовые сборные треугольники. Или вообще ничего не возведено. Новая Англия не так религиозна, как остальная страна.

Взгляды супругов, представивших себе эту удручающую картину, остекленели, и Александра, раскаявшись, подбодрила их, уже в спину:

– Вы чудесно проведете там время! Непременно попробуйте жареных моллюсков.

Азиатская пара тоже произвела на нее большое впечатление своим аппетитом. Маленькие и подтянутые, в буфете, где сервировали завтрак, они горой накладывали на тарелки оладьи, сосиски и какие-то безмянные восточные деликатесы (Канада старалась угодить Азии, своей ближайшей соседке по Тихому океану), их улыбающиеся губы лоснились от масляной пищи. Они изводили пленку за пленкой и не пропускали ни одной самой незначительной пешей прогулки или организованного похода по магазинам. В Джаспере, отважно пустившись в одиночку в обход маленького озера, на берегу которого стоял отель, Александра свернула на дорожку, приведшую ее к полю для гольфа, ухоженному, но пустовавшему. Это было странно; но тут она увидела знакомую чету азиатов, крохотную в сужающейся зеленой перспективе, супруги весело шли ей навстречу, выкрикивая загадочное слово, которое звучало как: «Забрудирись! Забрудирись!»

Когда они подошли ближе, жена-малайка, чье английское произношение было все же получше, объяснила:

– Мы сдерари ошибку. Там, сзади, хитрый поворот. Мы встретили рабочего. Он нам сказал, не очень вежливо, это частное поре для горьфа. Он сказал идти назад, на грунтовую дорогу – и вокруг озера.

– Вы тоже заблудитесь! – сообщил ее муж с триумфальной улыбкой.

Александра поймала себя на том, что почему-то краснеет и чувствует себя уныло-апатичной, нависая над этой энергичной парой, которую было невозможно обескуражить. Втроем они зашагали обратно к безлюдной дороге мимо неподвижной живой изгороди из кустов, покрытых утренней росой, мимо глубокого песчаного бункера-ловушки без единого отпечатавшегося следа, мимо свежескошенного пятачка с метками для установки первого мяча, коими служили обточенные водой камни с берега озера, выкрашенные в разные цвета – для разного класса игроков. Изгнанные из этого искусственного рая, они вернулись на грунтовую дорогу, не имевшую никаких указателей; Александра повернула направо, супруги поспешили налево, чтобы не опоздать на автобус до горного трамвайчика, который должен был доставить их к некоему прославленному виду, имевшему место за много миль от их временного приюта. Снова оказавшись одна, Александра задумалась об аппетите к жизни и о том, не являются ли его недостаток у нее самой и приступы тошноты, которые время от времени безо всякой причины одолевали ее, симптомами болезни. Она всегда панически боялась рака, особенно теперь, ведь более чем за семьдесят лет ее клетки могли изменить свой код и ожить в ее венах с бешеной страстью к размножению.

Дорога перешла в тропу, углубившуюся в лес: сизые канадские ели, дугласские пихты, белые американские березы, трепетные осины, пена безымянного подлеска, на солнечных местах – густая поросль широкохвойных сосен, прямых и стройных, иные из них, задушенные собственной тенью, попадали в озеро, захлавив берег, где дробные волны набрасывали сетку преломленных солнечных лучей на мелкое дно, выстланное округлыми камнями. Тяжело отдувающиеся пухлые девушки, бегущие трусцой, и чета туристов, квебекцев с шишковатыми пальцами, должно быть еще более старых, чем она сама, миновали ее в обратном направлении, огибая озеро против часовой стрелки. Большой же частью она была на дороге совершенно одна. Если вам повстречается гризли – гид их группы предупреждала, что они здесь водятся, – застыньте неподвижно; если это будет бурый медведь – менее крупный зверь, без горба, – отчаянно сопротивляйтесь. Александра прислушивалась к дикой природе, но ничего не слышала, даже птичьего пения. Но озеро дружелюбно искрилось на солнце, отражая, словно в чуточку искривленном зеркале, дрожащее золото осин. По другую сторону озера, за лесом, открывались Скалистые горы, имевшие приятный цвет крыла сизой горлицы, – гигантский геологический образец канадской сдержанности. Горы состояли из известняка, образовавшегося в результате отложения немыслимого множества крохотных водяных обитателей, закованных в хрупкие панцири.

Их гид, Хайди, полная энтузиазма бывшая стюардесса, объяснила, что полтора миллиарда лет назад эта часть земного шара находилась рядом с западным побережьем того, что теперь составляет Северную Америку, образуя покатый край континентальной плиты. Осадочные породы, приносимые ныне исчезнувшими мезозойскими реками, накапливались, спрессовывались, а двести миллионов лет назад произошло изменение направления дрейфа плиты, в результате чего гигантские пласты отвердевших осадков смялись в складки, которые нагромодились друг на друга наклонными рядами и вздыбились острыми пиками на первый взгляд неподвижных гор, впоследствии обточенными и выщербленными ветром и размывающими ледниками. Во все это – в изменение направления континентального дрейфа, в скалы, словно плоские макароны, складывающиеся в складки в горячих земных печах, – было так же трудно поверить, как в большинство фантастических религиозных догм, но все это спокойно укла-

дывалось в голове любого здравомыслящего человека в современном мире. Груз очевидности беспрерывно накапливался, как защитные панцири тех крохотных существ, которым так же хотелось жить, которые так же много о себе полагали и которые оказались в конечном счете такими же ничтожными, как она. Собственное отношение к Природе всегда ставило Александру в тупик; она воспитывалась на Природе, училась у нее, она сама была ею, и тем не менее было в ней нечто еще, нечто другое, что заставляло бояться Природы и ненавидеть ее.

На особо безлюдном отрезке дороги она заметила весьма крупное существо, двигавшееся ей навстречу. Сердце у нее подскочило, и в голове промелькнула мысль: пусть это будет гризли, а не бурый медведь, тогда единственное, что ей придется сделать, – это замереть на месте. Она была слишком стара и слаба для «отчаянного сопротивления». Существо обернулось высоким широко шагающим мужчиной, полуоюжанином с меланхолическими усами, прямой спиной и в синей клетчатой рубашке с длинными рукавами. Звали его Уиллард Макхью, и приехал он из окрестностей Нэшвила – вот все, что он ей о себе рассказал. Но сейчас, стараясь не сбиться с шага, он лишь формально-дружелюбно кивнул ей на ходу.

Она тоже не была склонна останавливаться. Это могло показаться неприличным: слишком углублены они были в Природу. Он робел, она тоже. Природа в некотором роде обожгла их обоих. Хайди объясняла им, что, для того чтобы раскрылись слепленные смолой шишки дугласской пихты, нужен огонь. Воистину чудовищно, с каким спокойствием Природа приспосабливает жестокость для своих нужд; Природа любит жестокость и нуждается в ней до такой степени, что смотрители канадских национальных парков ввиду отсутствия в последние семьдесят лет достаточного количества естественных лесных пожаров сами разводят их, чтобы стимулировать воспроизводство леса и способствовать его биологическому разнообразию. Разнообразие. Почему все мы так уверены, что это благо, между тем как именно однообразие позволяет чувствовать себя комфортно?

Размышляя о подобных фундаментальных проблемах и о том, как сверхъестественно судьба свела ее в этом путешествии со вторым физическим воплощением Джима, Александра пропустила поворот на короткую дорогу до гостиницы, через парковку. От досады и волнения она так вспотела, шагая вдоль длинного берегового серпантина, оснащенного столами для пикников и многочисленными контейнерами для мусора, елеяно призывавшими ее не загрязнять Природу, а, напротив, обращаться с ней бережно, что пришлось еще раз принимать душ, чтобы прилично выглядеть за завтраком.

* * *

На следующее утро около одиннадцати она стояла озябшими ногами на леднике Атабаска, вновь лицом к лицу с Природой. Автобус, направившийся на юг мимо озера Луиза, сделал здесь запланированную остановку. Колумбийские ледяные поля, замкнутые в чашу, образованную пиками, окружавшими Континентальный разлом, протягивали через ущелья между горами свои многочисленные широкие ледовые руки, среди которых Атабаска был самой удобной для прокладки шоссе. Огромные машины на толстенных колесах, управляемые юнцами и называвшиеся «ледоходами», свезли туристов вниз по склону пропасти «под максимально возможным для автомобиля углом», как сообщали в микрофон мальчишеские голоса. Александра и ее спутники послушно встали с кресел и потащились дальше вниз, ожидая увидеть чудеса. Александра готовилась к встрече с миром необитаемой чистоты, но ледник был таким же закопченным, как городские улицы, только идти по нему было труднее. Лед оказался грязным, разъеденным и изобиловал ямами. Под его скользкой поверхностью слышалось журчание. Хоть лето закончилось, таяние продолжалось и делало хождение предательски опасным. Александре мало что было известно о старости – подумать только, с каждой прожитой секундой ты становишься старше, чем была когда-либо до сих пор, – но одно она знала точно: нельзя

ломать шейку бедра. Много лет назад она видела по телевизору интервью с профессиональным танцовщиком, и тот сказал о своих партнершах: «Однажды упав и сломав бедро, они возвращаются в танцзал – ради компании, ради воспоминаний, – но бедняжки уже никогда не смогут танцевать». Не то чтобы они с Джимом много танцевали – разве что время от времени в выходные на площади, да и то лишь в начале своего брака, когда все было им внове и они были готовы почти на все. Ей нравились притопывания, покачивание из стороны в сторону и мимолетные прикосновения чужих рук, как во время ночного ведьмовского шабаша, но женщины Нью-Мексико с их пышными начесами, с разлетающимися, надувающимися, как паруса, юбками и мужчины с их двухцветными туфлями и галстуками «боло» на нефритовых или бирюзовых зажимах, сурово сконцентрированные на голосе распорядителя, перекрывающем звучание скрипок, в конце концов опротивели ей. Они были банкирами и подпитывали торговцев, выступавших под видом скотников; от них исходил дух замаскированной фальши – буржуазия в действии. К тому же хромая нога Джима после танцев несколько дней давала о себе знать. Так что от танцев на площади пришлось отказаться. Отказываться от чего-то вполне отвечало желаниям Александры, взывало к ее внутреннему ведьмовству. В жизни было столько ненужной и избыточной суеты. По сути, самая жизнь с набиванием желудка и размножением была упражнением в излишествах. Рак.

В обязанности водителя автобуса входило обаятельной скороговоркой произносить следующий изящный текст: «Друзья, это специальный ледовый автобус, мы называем их „ледоходами“. Расслабьтесь – мы подсчитали, что более половины этих автобусов возвращаются целыми и невредимыми с большинством пассажиров на борту». Раздался дружный нервный смех. Они нырнули в пропасть, а потом по наклонному льду съехали до остановки, где встали в ряд с другими «ледоходами». Водитель продекламировал в микрофон:

– Один из самых распространенных вопросов, который нам задают: «Почему лед такой грязный?» Дело в том, что ледник образуется из снега, метровый пласт его спрессовывается в слой льда толщиной один-два сантиметра. Как вам уже известно, любая снежинка и любая капля дождя формируется вокруг микроскопической частицы грязи из воздуха. Снег тает, а грязь остается.

Было ли это известно Александре? Значит, каждая снежинка и каждая капля дождя нуждаются для своего существования в зародыше из грязи? Достаточно ли грязи в небе на всех? А что, если небесная грязь иссякнет? И еще эта канадская тема компрессии – не она ли, компрессия, давит ей на грудь по ночам? Если все – снег, отложения, скалы – продолжает спрессовываться, почему мир не становится тяжелее и меньше, пока не превратится в черную дыру? Это был вопрос из тех, какие она прежде задавала Джиму, тот никогда не смеялся над ней и всегда пытался найти ответ, исходя из своих практических знаний. Мужчины, невзирая на все свои подавляемые страсти, обладают этим качеством: ясным представлением о причинах и следствиях, практичным желанием быть рассудительным. Женщины любят их за это.

Она огляделась в поисках долговязого замкнутого мужчины из Нэшвила, но их группа смешалась с несколькими другими, и все вокруг выглядели незнакомыми – силуэты на фоне ледяного сияния, как те космические существа, которые возникают из света в «Ближних контактах третьей степени».² Далеко вверху, над склоном ледника, она видела окутанную туманом стену горного хребта и длинный язык замерзшего водопада. Стадный инстинкт призраков ледника подстегивал, шаркая, заскользить туда и слепо, словно идущая на нерест рыба, двигаться вверх по застывшему потоку, если бы не ряд красных дорожных конусов и знак, запрещающий проход. Столкнувшись с таким ограничением, туристы, осторожно ступая, кружили на месте – темные пятна на льду, похожие на скопления колышущейся грязи. Японцы из других групп объединились, чтобы сделать коллективные снимки.

² «Ближние контакты третьей степени» – фильм Стивена Спилберга.

Знакомая пара азиатов-коротышек с улыбкой подошла к Александре с предложением сфотографироваться вместе.

– Освещение просто верикорепное, – сказала женщина, наведя на нее видеоискатель фотоаппарата для пробы.

– Ноги замерзри! – воскликнул ее муж, указывая вниз и широко улыбаясь.

Александра сфотографировалась с супругами по очереди, обнимая их за плечи. Опора на эти компактные тела с низко расположенным центром тяжести ослабляла ощущение опасного балансирования на острие. Слева от них глубокая расщелина сдерживала поток талой воды, которая пробила себе русло далеко вниз, в губительные изогнутые провалы, тронутые светящейся лаймовой зеленью. Если бы на Александру нашло затмение, она сделала бы несколько шагов и, не удержавшись, соскользнула в это журчащее ущелье; никому из окружающих не стало бы ни храбрости, ни сил выудить ее оттуда. Вот почему люди не путешествуют в одиночку: чтобы обезопасить себя от собственного безумия. Спутники, какими бы случайными они ни были, заставляют нас фокусировать внимание на беспокойной коняге жизни. Все мы раскачиваемся на самодельном веревочном мосту, который общество подвешивает над ущельем.

Как только дрессированные туристы снова очутились в своем специальном автобусе на гигантских шинах, парнишка-водитель начал посмеиваться над их страхом смерти:

– Итак! А теперь, друзья, мы собираемся предпринять попытку взобраться на этом приспособлении обратно вверх под тем же немислимым углом. Как я уже говорил, шансы близки к равным: пятьдесят на пятьдесят. Вы все должны мне помочь, задержав дыхание. Веселей, веселее!

Идиотизм, конечно, но все, включая Александру, шумно вдохнули и не выдыхали до тех пор, пока автобус не вскарабкался по склону и не припарковался на засыпанной галькой грязной стоянке.

– Друзья, мы сделали это! – объявил парнишка с почти американским произношением. – Когда выйдете из автобуса, посмотрите направо, на маленькую пирамидку из камней вон там, далеко, по ту сторону Ледникового шоссе. Ею отмечена граница, которой ледник Атабаска достигал в тысяча восемьсот семидесятом году. С тех пор он отступил на один и шесть десятых километра. Для добрых друзей, живущих по ту сторону нашей южной границы, где еще не примкнули к метрической системе, объясняю: это без самой малости миля. Приезжайте снова лет через сто тридцать, дамы и господа, и вам посчастливится увидеть здесь цветущую калину.

Александра мысленно представила себе мир без ледников: все горные склоны обнажены, долины мокнут и размываются водными потоками, прибрежные города поглощены поднявшимся морем, в тундре на севере Канады колосится пшеница, а американский Средний Запад превратился в пустыню, на которой с воздуха можно различить лишь едва заметные штрихи старых фермерских дорог.

В вестибюле отеля на озере Луиза в рамках висели фотографии местных пейзажей, какими они были около 1900 года, когда «Канадиан пасифик» заменила первые бревенчатые шале деревянным шато в викторианско-тюдоровском стиле, вмещавшим сотни гостей. На снимке, сделанном с передней террасы, за озером расстилается обширный ледник на горе Виктория, от которого нынче остался лишь малый огрызок. Александра обнаружила, что здесь невозможно обойти вокруг озера, как в Джаспере, потому что, прошагав вдоль берега около мили, уткнулась в завал из камней и поваленных деревьев; оставалось либо идти по верхней тропе до «уютного чайного домика» и «миниатюрного и живописного Зеркального озера», либо поворачивать назад, к необъятному шато. Она повернула назад, бдительно озирая окрестности: не появятся ли бобры, которые, если верить развешанным повсюду предупреждениям, здесь водились, но не увидела ни одного. Дорога была запружена постояльцами отеля включая детей и людей в инвалидных колясках. Ее не слишком испугало, когда в ранних сумерках чело-

век из Нэшвила, незаметно подойдя сзади, умерил шаг, чтобы идти с ней в ногу. Начинается, подумала она, не очень отчетливо представляя, что именно «начинается». Она знала, что люди всегда замечают, когда замечают их. Совпадающие колебания аур приводят к столкновению тел. Зазвучавший в ее ушах голос был сахарным от южной куртуазности – печальная музыка побежденных.

– Синева озера необыкновенна, не правда ли? – спросил Уиллард. – Даже в этом умирающем свете.

– Да, – осторожно ответила она. – Если не считать того, что все ледниковые озера имеют более-менее такой же цвет. В автобусе Хайди объясняла почему, но я не поняла. – Хайди всегда щebetала в микрофон, словно, как прежде, успокаивала пассажиров в самолете.

– Горная мука, – констатировал Уиллард. – Ледники соскребают ее с камня, когда трутся о скалу. Мельчайшие частицы минералов. – Он растянул слово «мель-ча-ай-шие».

Его педантизм и самоуверенность разбудили в ней упрямство; она почувствовала, что просто обязана поспорить.

– Этот процесс не из тех, которые легко представить, – сказала она. – Почему горная мука должна делать воду более синей? И тот ледник, который мы вчера видели, вовсе не производил впечатления чего-то обо что-то трущегося. Он выглядел совершенно неподвижным.

Уиллард задумчиво помолчал, словно его подвергли суровой критике.

– Нужны века, чтоб образовалась мука, – наконец заметил он.

– Знаю, – уступила она, стараясь, в свою очередь, подстроиться к его шагу, и вдруг напугала и его, и себя резким вскриком – ей показалось, что она заметила бобра. Но то оказался всего лишь кусок коричневого торфа – силуэт, обозначившийся на фоне нереальной, обогащенной ледником синевы озера.

– Что-то случилось? – спросил Уиллард, вежливо встревожившись.

– Нет. Простите. Мне показалось, что я увидела бобра. Путеводитель сообщает, что они здесь водятся. Обещает, я бы сказала. В огромных количествах.

– Наверное, это бывает в определенный сезон. – Его ровный, уважительный тон раздражал ее. Вероятно почувствовав это, он спросил: – Из всего того, что мы видели, что произвело на вас наибольшее впечатление, Александра?

Это был тяжелый вопрос. На протяжении всего путешествия самым сильным ее ощущением было ощущение изолированного пространства вокруг. Отсутствие Джима отделяло ее прозрачным куполом – вроде тех, какими накрывают еду, выставленную на стойках в баре, – от всего, что она видела.

– Думаю, Уиллард, – сказала она, подстраиваясь под его осмотрительно-рассудительный тон, – рога самца-олени, которого мы видели вчера на обочине шоссе, сразу после остановки у водопада Атабаска. Я и представить себе не могла, что они могут быть такими большими. Хайди назвала их вешалкой. Эта «вешалка», кажется, доходила до конца его спины и даже оттягивала ему голову назад, прямо страшно было, как бы она не сломала ему шею. Ак... ак... ак... эк... – Язык не слушался ее. Быть может, этот реинкарнированный Джим был колдуном? Поскольку он ничего не сказал, она добавила лепечущим голосом, какой бывает у женщин, смущенных мужским молчанием: – Представьте себе – носить на себе все это только для того, чтобы отгонять других самцов и защищать свой гарем. Сколько там Хейди сказала – до сотни самок?

Сколько совокуплений требуется Природе? Тема возбудила Хайди, она покраснелась; пятна на ее щеках были видны с середины автобуса, где Александра сидела рядом с другой вдовой (выше было замечено, что во всей группе одинокими были только Александра и Уиллард, – нестыковка). Хайди продолжала в своей ласково-успокоительной манере бортпроводницы рассказывать, как вся эта борьба и «служение своим дамам» изнуряли старых самцов и делали их на пороге надвигающейся зимы обессиленными и полуживыми от голода. И они

умирали, позволяя молодым самцам-холостякам, тайно бродящим вокруг гарема, занять их место. Они умирали из-за бешеного стремления Природы к размножению.

Поток мыслей Александры, высказанных и невысказанных, видимо, побудил Уилларда Макхью к ответной доверительности, потому что он совершенно неожиданно произнес:

– Александра, я искренне сочувствую вашему недавнему горю.

Итак, он знал ее имя и был осведомлен о ее горе. В своей серьезной манере он тоже принимал участие в сплетнях, по-петушиному наклоня слегка вытянутую голову набок, словно поудобнее подставлял ухо.

– Моему горю?

– У вас недавно умер муж. Мне доверила это по секрету одна из дам – ваших приятельниц.

Дам-приятельниц? Александра попыталась вспомнить, с кем из собранного в этом туре стада скучных перекормленных человеческих самок она говорила. Вообще она старалась избегать разговоров, и остальные женщины чуяли эту ее наэлектризованную отчужденность – отрицательный заряд потенциального разрыва, ведьмовское презрение к нормальному, прирученному порядку вещей.

– Кто бы ни была эта дама, она права. Джим умер три месяца тому назад.

– Мне очень жаль, Александра.

– Спасибо, Уиллард.

Он хотел сказать что-то еще, но она со своей вдовой неуклюжестью этим «спасибо» перебила его. Однако он продолжил тем же сахарным меланхоличным голосом:

– Я знаю, что вы сейчас испытываете. Мой партнер умер в прошлом году. Мы прожили вместе тридцать семь лет.

«Партнер». Одно из новых кодовых слов, удобно нейтральных. Значит, Уиллард один из этих. Ее одурачили. Александра почувствовала облегчение и негодование: этот педик зря тратил ее время. С другой стороны, чего стоит ее время? Все меньше и меньше: она – старая дама постклимактерического возраста, выброшенная на свалку Природы, пережившая библейский рубеж семидесятилетия.

– Это большой срок, – сказала она, не добавив: для пары педиков, которые печально известны тем, что порхают с места на место, разбивая друг другу сердца неверностью, в своем необузданном влечении к более молодым педикам.

– Он был чудесным человеком, – грустно признался этот нарушитель ее одиночества. Он бы продолжил, объясняя в подробностях, что именно чудесного было в его партнере, если бы Александра снова вежливо не перебила его:

– Я в этом не сомневаюсь. Спасибо вам за компанию, Уиллард. Теперь, когда стемнело, свет в отеле выглядит так уютно, не правда ли?

– Может быть, выпьем что-нибудь вместе там, в шато?

Так. Значит, обнаружив свою ориентацию, он почувствовал себя свободным и решил проявить большую настойчивость.

– Благодарю вас, Уиллард, – ответила она. – Вы очень любезны. Но думаю, мне лучше пойти полежать перед ужином. Я плохо сплю в этой поездке. Работы оказалось больше, чем я ожидала. Полагаю, дело в высоте и необходимости все время упаковывать и распаковывать вещи. А кроме того, столько Природы! – Надеюсь, что, как бы ни ранил его ее отказ, этот тампон из поспешно слеplенных слов остановит кровотечение, она добавила: – И конца этому не видно! Хайди сказала, что завтра придется встать до рассвета, чтобы полюбоваться восходом солнца из-за горы Виктория. Должно быть, они принимают нас за девчонок и мальчишек! Вероятно, я пропущу это мероприятие.

Однако вопреки сказанному она попросила, чтобы ее разбудили в половине шестого. Пронзительный звонок телефона прервал сон, который она в тот момент видела, сон об Ист-

вике – туманное утро, морские испарения, каплями оседающие на оконном стекле, дети уже ушли в школу, она пытается делать что-то по дому, но напряженно ожидает прихода Джо Марино. Во сне он принес ей в подарок цыпленка, живого, но упакованного в плотную оберточную бумагу с розовыми полосами. Ей следовало поблагодарить его, но в глубине души она пришла в ужас: что ей делать с этим цыпленком? Даже если она сумеет заставить себя свернуть ему шею, она не знает, как его ощипывать. О чем только думал милый Джо? За всем этим стояли смехотворные, свойственные среднему классу предрассудки. Почему мужчины не могут просто трахнуть тебя, не заботясь о бесполезных подарках? Сердитый птичий глаз поверх воротника из оберточной бумаги пригвоздил ее своим взглядом. Из горла птицы послышался жуткий режущий звук: это надрывался телефон – звонили, чтобы разбудить ее. То был ее шанс, «день, дарованный тебе». У Александры больше никогда не будет возможности увидеть озеро Луиза.

Она быстро нацепила одежду и вышла, не приняв душа, сонная, в темноту, где присоединилась к толпе туристов, собравшихся на мощеных ярусах и обсаженных кустарником дорожках между отелем и озером. Это было похоже на площадь какого-нибудь европейского города, где турист, не ко времени рано вставший, бывает поражен количеством людей, наискось поспешно пересекающих ее по дороге на работу и выставляющих напоказ трудовую жизнь, обычно скрытую от гостей за театральной декорацией дворцов, соборов, музеев и неоправданно дорогих ресторанов, помогающих скоротать выходные дни. Супруги-азиаты тоже были здесь, как и восемь австралийцев, все фотографировали друг друга на фоне озера и гор; они тут же радостно, кадр за кадром, стали снимать и Александру, обещая прислать фотографии. В группу уже начало проникать прощальное настроение, хотя им предстояло провести еще два дня в Банфе и день в Калгари.

Розовый ореол над заснеженной вершиной Виктории расширялся дюйм за дюймом, распространяясь и вниз по поверхности горы. Ее горизонтальные пласты, резко обозначенные благодаря лежавшему на них снегу, отмеряли поступательный ход рассвета. Продолжая постепенно разрастаться, розовый ореол становился золотым; свет дня вступал в свою царственную силу над зеркальной поверхностью сверхъестественно-синего озера, в которой – как золото Рейна, ослепительным блеском сияющее со дна в лучах солнца, проникших сквозь толщу воды, – зависло перевернутое отражение осененного зарей пика.

Маленький азиат, оказавшийся рядом с Александрой, воскликнул со своей неистребимой улыбкой:

– Стоиро раннего ставания!

– Восход? О да, это великолепно. – Чудесный человек. Вопреки собственному желанию она скользнула взглядом по утренней толпе в поисках Уилларда, с тревогой ожидая засечь его фиолетовую ауру и готовясь холодно осадить его. Но очевидно, он не был ранней пташкой. Она почувствовала себя в некотором смысле отвергнутой, что было безосновательно, поскольку это она в сотрудничестве с Природой отвергла его. Более тридцати лет назад, в Иствике, она уже была втянута в орбиту гомосексуалиста, соблазнена его любовью к развлечениям и искусству – он мог заставить ее смеяться, он ублажал ее, раскрепощал. В своем смехотворном жилище он создал для нее обстановку, которая льстила ее фантазиям о собственных чарах. Потом он предал ее, а также Сьюки и Джейн. И они утолили свое чувство мести. Воспоминания обо всем этом были постыдными, но бодрящими, они воскрешали ее более молодое «я» с его здоровым разнузданным аппетитом и темной силой. После короткого автобусного переезда прибыв в Банф, она чувствовала себя обновленной.

Джаспер был высокогорным поселением с пустынными широкими улицами и единственным деловым кварталом. Банф представлял собой настоящий город с художественным музеем, музеем аборигенов, множеством кафе, многолюдным центром, горячими источниками, конференц-холлом и сбегаящими по склону от отеля «Банф-Спрингз» пригородами дорогих особ-

няков. Александра вышла в город, осмотрела экспозиции акварелей местных художников и старинной фотографии в музее Уайтов и пообедала в укромной закуской, где, сдвинув два стола, насыщались австралийцы. Они пригласили ее присоединиться к ним, но она отказалась и съела свой рулет из индейки, уставившись в пустую стену. Эта пустота навела ее на мысль, что пришло время провести инвентаризацию и собрать себя для финальной сцены своей жизни, для спурта к могиле во вдовьем трауре.

На два часа у группы был назначен подъем на Сульфурную гору по канатной дороге. Автобус доставил их на базу, откуда отправлялась гондола. Наверху продавали сувениры и закуски, внутри помещения было тепло, снаружи холодно, и повсюду стояли обзорные телескопы, принимавшие канадские долларовые монеты, которые назывались «луни», то есть «утками», из-за водоплавающих, изображенных на стороне, противоположной профилю стареющей королевы. Двухдолларовые соответственно назывались «туни», то есть «две утки». Интересно, почему Соединенные Штаты не додумаются выпускать долларовые монеты, подумала Александра. Вот ведь канадцы показали, как это удобно и забавно. Наверное, потому, что американцы ненавидят забивать себе карманы – боятся, что это будет их отягощать, а они любят свободу, предположила она.

В нескольких сотнях метров внизу сливались две реки, к одной из них прилегало поле для гольфа. Банф напоминал решетку, наклонно установленную между горой и двумя озерами. Деревянный лестничный марш, продолжающийся широким настилом, вел от смотровой террасы еще выше, к самой вершине. Кое-кто из туристов уже шел в обратном направлении по этой гулко отражающей звук «тропе», среди них было несколько австралийских пар.

– Ну как там? – спросила у них Александра.

– Чудесно, дорогая. Стоило карабкаться.

Тем не менее она колебалась, слоняясь по сувенирной лавке и раздумывая: кому из ее семерых внуков может понравиться игрушечный американский лось? Если подарить его кому-то одному, остальным надо купить что-то равноценное соответственно возрасту. Амплитуда возрастов ее внуков составляла от шестнадцати лет до одного года. Слишком трудно сообразить. Боковым зрением она засекала приближение высокого мужчины с усами и, предпочтя не иметь дела с Уиллардом, вышла на холод и зашагала вверх по деревянным ступенькам.

Сначала настил был ровным, потом, опираясь на толстые столбы, ступенька за ступенькой, дорога поднималась до самого гребня. Люди обтекали ее, идя и навстречу, и в одном с ней направлении, однако Александра, по мере того как доски у нее под ногами меняли направление и затем снова превращались в ровный настил, чувствовала себя все более и более одинокой. Верхушки деревьев оставались все дальше внизу, на поверхности виднелись теперь только отдельные скальные выступы. Вообще-то, она не была любительницей покорять высоты, но эту решительно вознамерилась взять. Ей казалось, что она ступает прямо по воздуху, потому что, куда ни глянь, под ней были гряды напозавших друг на друга гор: серых, аспидно-черных, пепельных, сизых, испещренных языками лавин и ошметками снежного покрова. Александра парила. Она находилась над и между бескрайних тихих гор; они были ее друзьями, великим Другим, державшим ее на Своей ладони. Природа была в ней и вокруг нее, и она была бесконечна.

Дорога, состоявшая из крепких ступеней, сделала поворот, потом еще один, сузилась на подступах к пику Сэнсона и привела ее к хибарке, крепкой хибарке с застекленным окошком, через которое можно было разглядеть письменный стол с какими-то бумагами, но никакого человеческого присутствия, никакого метеоролога – а это была, как объясняла надпись на стоявшем рядом щите, именно метеорологическая станция, на которую Норман Сэнсон взбирался более тысячи раз за свою жизнь, чтобы проводить замеры погоды, – внутри никого не было. Заглянув в окно и ощутив отсутствие в ней Нормана Сэнсона так же остро, как ощущала она отсутствие Джима Фарландера в своей постели, Александра почувствовала себя хрупкой

среди напористых молодых спортсменов-ходоков, японцев и кавказцев, толпившихся вокруг нее, чтобы взглянуть на этот священный для канадцев вид; у нее закружилась голова, и она поспешила назад: вниз по ступенькам, поворот, еще немного вниз, потом – на гулкий ровный помост; она торопилась в панике, что группа уедет, оставив ее одну среди этих величественных и равнодушных серых гор. Но в конце последнего марша ступеней стоял Уиллард Макхью, долговязый, идеально опрятный в своей зеленой в клетку рубашке. Его облик, нарочито похожий на облик лесоруба, теперь, когда она все знала, казался гейским.

– Все остальные уже давно спустились, – проговорил он, растягивая слова.

Его похоронно-собственническая интонация заставила ее на миг возрадоваться тому, что у нее нет мужа. Повернувшись к Хайди, курчавой, лучезарной матушке их тургруппы, которая стояла в нескольких футах в стороне от него, и обращаясь только к ней, Александра сказала:

– О, мне так неловко. Я задержала всю группу?

– Вовсе нет, – ответила Хайди с фирменной улыбкой бортпроводницы, которую не могут погасить никакая турбулентность, никакой зловещий гул в двигателях, никакая воздушная яма. – Как вам понравился вид?

– Колоссально. У меня даже дыхание перехватило. – Александра судорожно вздохнула, ее сердце еще не успокоилось после паники, которую она испытала на последнем отрезке спуска.

Улыбка Хайди стала еще шире, от чего ямочки на ее щеках углубились.

– Вижу, что вы потрясены. Ну а теперь, Лекса, ловите снова свое дыхание и пойдете в автобус.

* * *

Покинув почтенный прибрежный город, где совершили свое гнусное злодеяние, три ведьмы едва поддерживали связь между собой, будучи далеко разбросаны географически и плотно заняты стряпаньем своих новых семейных жизней. Негоже стелить чистое белье грязными руками. В первое время после отъезда из Иствика они все же иногда встречались; Сюки, жившей в Коннектикуте, и Джейн, жившей в Массачусетсе, делать это было легче, чем Александре, осевшей в далеком Нью-Мексико. Но разговоры текли вяло в присутствии мужей, маявшихся в той же комнате, а без возможности устроить шабаш втроем не возникал конус могущества, который только и мог придать им силу, превосходящую силу каждой в отдельности. Разъединенные каждая в собственном затруднительном безмолвии, они испытывали неприятные уколы совести, и это делало неповоротливыми их языки. Мало-помалу контакты между ними свелись к телефонным разговорам, а потом – к символическим рождественским поздравлениям по почте. В декабре того года, когда совершила свое осеннее путешествие в канадские Скалистые горы, Александра получила лишенную каких бы то ни было религиозных символов – только пирамидальные ели и миниатюрная белочка в красной шапочке с белой оторочкой – открытку из Новой Англии: традиционное «С Рождеством и Новым годом», типографским способом напечатанное посреди лихорадочно нацарапанной вокруг записки, строчки которой были разбросаны вверху, внизу, по бокам и даже вверх ногами – по всем свободным местам. У Джейн Смарт почерк всегда был темпераментный, глубоко продавливающий бумагу, со сползающими вниз строчками, расположенными так плотно, что порой приходилось делать петли, чтобы они не переплетались и не налезали друг на друга.

Лекса, дорогая!

Ты огорчишься, узнав, что мой милый Нэт умер после нескольких лет страданий, бесконечных госпитализаций в Главной больнице Массачусетса и всех этих лечений – химии, облучения, лазерных прижиганий, противотромбозных вливаний и кучи дорогостоящих лекарств, – словом,

что еще там делают, чтобы продлить агонию больного? Лучшие уж сидеть у камина и угасать в горячке [Александре понадобилось несколько минут, чтобы разобрать это слово], как делали наши предки. Главная больница Массачусетса мучила его, чтобы дать возможность ординаторам приобрести практический опыт и позволить жсиреть системе бесплатной медицинской помощи. А он еще был таким покорным, мой милый старичок, так верил всему, что плели ему эти мошенники в белых халатах со стрижкой из модного салона. Когда в конце концов медсестра нашла его в постели мертвым, выражение лица у него было донельзя удивленным, – видимо, он не мог поверить, что они позволили этому случиться. Я имею в виду – смерти. Лично я, когда придет время, предпочла бы быть сожженной заживо и по крайней мере вспыхнуть напоследок. В какой-то старой книге я читала, что делали в этих случаях опытные так называемые еретики: нужно было вдохнуть дым, чтобы сразу вырубиться. Прости за то, что нагоняю такую мрачность, тем более в рождественской открытке. Он «ушел», как смехотворно выражаются теперь сотрудники похоронных бюро, будто жизнь – это партия в бридж, в прошлом месяце, и пришлось часами вести переговоры с юристами, чтобы его мать – она в свои сто с лишним лет еще жива, трогательно, не правда ли, – разрешила мне остаться в его доме, в этой необъятной кирпичной уродине, которая якобы построена Г. Х. Ричардсоном³, а на самом деле всего лишь одним из его младших партнеров, раздражителем, «принадлежащим к школе», как говорят музейные работники, характеризуя свои фальшивки. В Бруклайне⁴ все «принадлежат к школе». Твидовые юбки, тупоносые туфли и жиденькие родословные. Жаль, что ты не знала Нэта, – газетная вырезка, которую я прилагаю, даст тебе лишь слабое общее представление, но ты не узнаешь, как он говорил, ел, спал, трахался и т. д. Встретимся ли мы когда-нибудь снова? Позвони мне как-нибудь, далекая моя красавица.

*Всегда твоя,
Джейн.*

Во вложенном в конверт столбце некролога из «Бостон глоуб» – Натаниэль Тинкер III, 79, антиквар, благотворитель – было всего четыре-пять дюймов длины, но даже при этом из него можно было по крупнице кое-что почерпнуть. Профессия Нэта обозначалась как советник по инвестициям; это, как предположила Александра, было другим способом сказать, что он манипулировал собственными деньгами и деньгами своих доверчивых друзей. Он состоял членом много чего: Сомерсетского клуба, Загородного клуба, Гарвардского бостонского клуба, Исторического общества Новой Англии, обществ по охране того-сего, попечительских советов Консерватории Новой Англии, Музея изящных искусств, больницы «Маунт Обурн», больницы Маклина, Новоанглийского дома малолетних бездомных и приюта «Пайн-стрит-инн». Все он делал правильно, делал все, что диктовали общественные и географические обстоятельства, а потом, лет в сорок пять, женился на Джейн Болячке, как называли ее Лекса и Сьюки, когда она им особенно докучала. Вообще же она была известна как Джейн Смарт, разведенная жена Сэма Смарта, который в высушенном виде висел в цокольном этаже ее фермерского дома в Иствике и щепотку которого она иногда добавляла в свое приворотное зелье для пикантности. Джейн,

³ Г. Х. Ричардсон – американский архитектор 1870–1880 гг., мастерски использовал массивные, внушительные формы романского стиля для создания подчеркнуто солидных, эффектных, иногда как бы навеянных романтическими легендами композиций.

⁴ Бруклайн – пригород Бостона.

судя по всему, была эмоционально привязана только к двум вещам: к своей виолончели, на которой играла с неистовой сосредоточенностью, пугавшей окружающих, являя собой в эти моменты водоворот, грозивший засосать любого, и к своему юному доберман-пинчеру, гигантскому черному с желтыми пятнами разгильдяю и пожирателю стульев, по имени Рэндольф. Самая низкорослая и худенькая из трех ведьм и единственная, овладевшая мастерством летать, Джейн вдохновенно ринулась в возвышенную жизнь избранных кругов Бруклайна, Бостона и Кембриджа, которую открывали перед ней происхождение и богатство Нэта. Ее едкий, как кислота, акцент, ее остроносый профиль и злые сверкающие глаза цвета черепашого панциря растворились в этих благовоспитанных кругах, как струйка бренди в густом, вяло булькающем соусе; но для остроты сохранилась ее невидимая изнанка, тьма, на которой она покоилась, жар и грязь, которые побудили дорогого двуполого Нэта Тинкера вынырнуть из окутанной удушающими материнскими заботами летаргии и жениться на разведенной женщине с детьми, количество которых, по местным слухам, невозможно было отследить, так стремительно спроваживали их в подходящие школы-интернаты.

Когда поначалу Сьюки один-два раза в год, а потом все реже и реже навещала Джейн в кирпичном, обшитом декоративным деревом уродце на Клайд-стрит, она теряла свою обычную бойкость от благоговейного трепета перед высотой тамошних потолков, готической заостренностью контуров, навощенным благоуханием книжных шкафов со стеклянными дверцами, почти церковной мебелью и широкой темной лестницей, подъем которой ступенька за ступенькой сопровождался развешанными на стенах маленькими мрачными гравюрами в рамках и которая вела к площадкам и спальням, столь потаенно-уединенным, что даже при попытке представить себе, как они выглядят изнутри, дух захватывало. Сьюки, чей повествовательный дар был развит службой в «Иствикском слове» в качестве репортера, как это ни смешно, по телефону прочно внедрила эти картинки в сознание Александры много лет назад, до того как и эта пара подруг утратила связь между собой. Когда, откликаясь на приглашение Джейн, Александра набрала номер, записанный на букву «С» – Смарт – в ее адресной книге, многодесятилетней давности красном блокноте, разваливающемся на части под бременем невычеркнутых номеров умерших, переехавших и забытых корреспондентов, отдаленный зуммер представился ей мерцающими угольками гаснущего костра в покинутой пещере.

Трубку взяла не Джейн.

– Резиденция Тинкеров, – прозвучал молодой надменный мужской голос.

– Привет! – воскликнула ошеломленная Александра. – Могу я поговорить с... – Сказать «Джейн» было бы слишком фамильярно, а «с хозяйкой дома» могло означать как мать, так и вдову. – С Джейн Тинкер?

– Как доложить, кто звонит? – Вопрос был задан ледяным тоном.

– Скажите: Александра, – ответила она и зачем-то добавила: – Мы с ней старые друзья. – Какое дело было до этого наглому парню?

– Сейчас узнаю, свободна ли миссис Тинкер.

Как будто быть дома и быть свободной – разные понятия. Александра попыталась представить себе Джейн на верхней площадке этой широкой темной лестницы, замкнутую в своем горе, защищенную толщей старых, наследуемых поколениями денег. Длинный же путь наверх проделала она от той стоящей на заболоченной четверти акра в районе бухты маленькой фермерской развалюхи с ее унылым модернизмом пятидесятых, прикрытым обветшалыми псевдопуританскими шкафами, поддельными сапожными верстаками и выключателями, вырезанными в форме пухлых человеческих рук предыдущим владельцем, нигде не служившим инженером-механиком. Именно там, у нее на кухне, где постоянно шныряли ее чумазые дети, втроем они наслали роковое заклятие на Дженни Гейбриел.

Хотя казалось, что те дни навсегда миновали, голос Джейн, когда она подошла к телефону, показался лишь чуточку другим – в нем все еще сохранялось то, бывшее, обвинительное жало, но звучание стало немного более скрипучим от виски.

– Лекса! Неужели это действительно ты?

– Дорогуша, кто же еще? Ты же велела мне в своей открытке позвонить. Меня огорчило твое печальное известие. Не сомневаюсь, что Нэт был чудесным человеком, жаль, что мы с ним никогда не встречались. – Она заранее заготовила эту речь.

– Но я написала тебе два месяца тому назад, – предъявила обвинение Джейн.

– Мы, люди Запада, долго раскачиваемся. Я не была уверена, что ты действительно этого хотела.

– Разумеется, хотела. За последние тридцать лет дня не проходило, чтобы ты не возникла в моем воображении, небрежно одетая и такая величественная.

– Как это мило, Джейн. Но ты давно не видела меня. У меня теперь лицо потрескалось, как у старой скво от вечного солнца, и я набрала вес.

– Послушай, куколка: мы – старухи. Теперь значение имеет только та женщина, что внутри.

– Ну, ту женщину, что внутри меня, обволакивает слишком много той, что остается снаружи. И мое бедное тело все время терзают приступы боли – то там, то тут.

– Звучит весьма с-с-соблазнительно, – сказала Джейн. Ее «с-с-с» было по-прежнему шипучим. – Приезжай к нам на восток. Я знаю замечательные ванны и акупунктуру, которые позволяют сбросить несколько лет. Чем большую боль ты ощущаешь, когда в тебя загоняют иголки, тем лучше ты себя чувствуешь, лежа на столе у врача. Я иногда прямо так и засыпаю, ошетилившаяся, как дикобраз.

Джейн Болячка в своем репертуаре, подумала Александра, улыбаясь старой подруге в трубку, и сказала:

– Я теперь тоже вдова. В июле будет два года. Его звали Джим. Вы, кажется, виделись несколько раз, еще в Иствике.

– А как ж-ж-же. Мы встречались, ближе к концу, после того как жалкий фарс Даррила распался на куски. Джим Как-его-там. Я его ненавидела, потому что он отнимал тебя у нас-с-с. Что касается моего «чудесного» мужа, то да, можно и так сказать. Это была сделка. Он многое давал мне, а я – ему. Он мне деньги, я ему – эрекцию. С ним требовалось особое обращение. Его возбуждали только определенные вещи. Причудливые вещи. – Хриплый едкий голос звучал на грани то ли возмущения, то ли слез. – А, дерьмо все это, с-с-сладкая моя, – сказала она, захлопывая дверь в этот чулан. – Все это отработано.

Александра попыталась представить себе эту «работу» – вообразить интимные подробности, имевшие место по ту сторону верхней площадки темной лестницы.

– Для нас тоже все уже «отработано», – заметила она. – Я любила Джима. – Она сделала паузу, ожидая отклика Джейн Тинкер на эту рутинную манифестацию чувств, но тщетно, так что оставалось лишь с вызовом добавить: – Думаю, и он любил меня. Ну, настолько, насколько способен любить мужчина. Когда они любят, они чувствуют себя беспомощными.

В ответ на это Джейн, с присущей ей пугающей способностью менять направление разговора, пустилась в двусмысленную и, не исключено, язвительную лесть:

– Лекса, тебя невозможно не любить. Ты такая открытая. Ты – орудие Природы.

– Не уверена, что я по-прежнему люблю Природу. Она слишком жестока. Что же до невозможности не любить меня, то, думаю, мои дети легко преодолевают эту трудность. – Она вспомнила о непроницаемом мистере Макхью из прошлогодней канадской поездки, но не упомянула его. Такая доверительность требовала физического нахождения вблизи Джейн, они должны сидеть друг против друга, касаясь коленями маленького столика с напитками и закусками. – А как твои поживают? – поинтересовалась она.

– О, выж-ж-живают, я бы сказала, в разных местах, – ответила Джейн. – Все четверо, кто-то здесь, кто-то там, я даже уже толком не могу уследить, кто где именно, как и запомнить дни рождения внуков. Я никогда не верила, что они смогут каким-то образом выж-ж-жить. Не могла представить себе их управляющимися с работой, с домом, с незнакомцами в качестве жен и мужей, получающими повышение зарплаты, садящимися в нужный самолет, но, как ни удивительно, они все это делают. Я не могла постичь *как*, пока не сообразила, что им приходится выживать не в нашем мире и соревноваться с людьми не нашего поколения, а в их собственном мире, соревнуясь с теми с-с-самыми маленькими человечками, с которыми они ходили в детский сад. И взрослеть в среде своих идиотских технологий. Вот что, как оказалось, заставляет почувствовать себя старой – технология. Я не умею работать на компьютере и ненавижу набирать десять цифр. В Мэне, в большом старинном доме моего деда, телефон появился одним из первых, и номер состоял из двух цифр – двух! Я все еще их помню: один и восемь. На острове до нас было только семнадцать телефонов. И я ненавижу говорить с этими слащавыми механическими голосами, которые, когда ты ошибаешься, по-идиотски повторяют тебе одно и то же. Хотя Нэт и заставлял меня носить с собой сотовый телефон, для собственной безопасности, как он говорил, думаю, я ни разу его даже не включила и в любом случае не могу поверить, что мой голос может пройти через маленькую решетку, в которую говоришь, даже не поднося ее близко ко рту. А теперь эти важничающие ребяташки, только-только выпорхнувшие из школы бизнеса, носят их, как серьгу, в ухе и на ходу разговаривают вслух, словно пребывают в трансе. Притом эти сотовые телефоны могут еще и делать фото, и снимать на видео. Не вынош-ш-шу все эти крохотные электронные схемы, впихнутые в них и делающие все вокруг цифровым, они хуже, чем наши мозги, которые и сами достаточно плохи. Тем не менее они любили приезжать в этот дом, – продолжала она, делая неожиданный бросок назад, к своим детям, – слонялись повсюду, наполняя четвертый этаж запахом гашиша или какого-нибудь другого психотропного препарата, модного на этой неделе, пока не обзавелись собственными домами и детьми, что, как я уже сказала, меня удивляет. Им нравился Нэт. Они считали его крутым; они употребляли именно слово «крутой», неуместное по отношению к этому крайне несдержанному маленькому чванливому ничтожеству. Это ранило меня, признаюсь. А он, будучи слишком инфантильным, чтобы жениться вовремя и завести собственных детей, обожал, когда они его окружали.

– Мои тоже! – вклинилась наконец Александра. Она и забыла, какой напористой может быть Джейн, как она бывает одержима собственным резким языком и своими жалобами на весь мир. – Мои дети были без ума от Джима, и он, похоже, получал удовольствие от общения с ними, пока они не становились несносными или не уезжали в колледж. В определенном смысле помогало то, что они не были его детьми. Джейн, тебе никогда не казалось, что мужчины, от которых мы имели детей, только на то и были нужны? Что-то вроде особой функции, какой бывают наделены паразиты и морские анемоны? А потом, во второй раз мы выходили замуж по-настоящему.

– Особой факции,⁵ – подхватила Джейн. Это была еще одна из ее слабостей – любовь к каламбурам, которые она обожала придумывать, выхватывая слово из речи собеседника. И все же, несмотря ни на что, разговаривая с Джейн, Александра почувствовала теплоту, какой не испытывала при общении ни с одним существом женского пола за все тридцать лет, что минули с тех пор, как пути трех разведенных женщин разошлись.

– О, Джейн! – воскликнула она в порыве необъяснимого великодушия. – Теперь, когда все мы овдовели, мы должны снова собраться вместе.

– Приезжай ко мне, дорогая. Дом огромный, моя свекровь не выходит из своей комнаты, где ее день и ночь окружают сиделки, которые кормят ее грудным молоком, протертыми обе-

⁵ Игра слов: fuck – трахаться (англ.).

зьянкими гениталиями или черт его знает чем еще. Я ее почти не видела после отпевания Нэта. Ей за сто, это невероятно, все равно что иметь свекровь о двух головах, – люди смеются надо мной. Я бы хотела сказать, что она ненавидела меня со всеми моими потрохами и сделала мою жизнь здесь почти невыносимой, но на самом деле она испытывала тайное облегчение оттого, что я отчасти сняла Нэта с ее шеи; у него нас-с-столько мало было за душой, что ему требовалась поддержка не одной, а *двух* сильных женщин. Он был ее единственным ребенком; я думаю, что в *ее* поколении иметь детей считалось весьма неестественным и очень странным – чем-то, что ты обязана была сделать, поскольку твои родители, а еще раньше родители родителей, очевидно, делали это, иначе откуда бы взяться предкам. Пока совсем не спятила, она, бывало, могла загнуть что-нибудь эдакое безрассудное, чем смешила меня. Честно признаться... – Джейн так понизила голос, что он зашуршал, как механический, Александре пришлось напрячь слух, чтобы разобрать слова, – я иногда задумывалась: уж не одна ли и она из... – Язык не повернулся произнести слово.

– Ведьм? – помогла Александра.

Джейн не ответила, лишь сказала:

– Я старалась не смотреть на нее, когда она была раздета, – боялась увидеть ложный сосок.

– Джейн! – воскликнула Александра, шокированная и взволнованная. – Неужели ты все еще веришь в эту чудовищную средневековую ерунду?!

– Я верю в то, что е-с-с-сть, – последовал ответ. Голос Джейн звучал по-прежнему низко, но его края шипели, как вода на раскаленном металле. – И если это чудовищ-щ-щно, то так тому и быть. Нет, с-с-серьезно: приезжай ко мне, душ-ш-щечка.

Старый мрачный дом, старая мрачная подруга.

– Это так далеко, – стала отнекиваться Александра. – А здесь у нас так солнечно. У тебя больше денег – почему бы тебе не приехать ко мне? У нас тут чудесные индейские резервации, дом Джорджии О'Киффи⁶ в Абикиу⁷ и Континентальный разлом. Летом в Санта-Фе дает спектакли феерическая опера.

– Да, теперь у меня есть деньги, но это новоанглийс-с-ские деньги. Они терпеть не могут, когда их тратят, – разве что на образовательные цели. Нэт всегда жертвовал Гарварду, который в этом вовсе не нуждался, и Коммьюнити-колледжу в Роксбери,⁸ который, полагаю, явно в этом нуждался, хотя политики никогда бы не позволили ему пойти ко дну. Я заставила его жертвовать Беркли и консерватории, несмотря на то что Бостонский симфонический оркестр ему категорически не подходил. Слушая его, особенно после перерыва, он окаменевал в своем кресле настолько, что я, бывало, щупала его запястье, чтобы понять, бьется ли у него еще пульс. Рука была ледяной, особенно во время исполнения Брамса и Малера. Когда играли Моцарта или Баха, ее температура приближалась к комнатной; можно было даже заметить, как у него подергивались пальцы, когда ускорялся темп.

– Похоже, ты относишься к нему с нежностью, – сказала Александра, пытаясь уязвить подругу собственным великодушием и гуманностью.

Джейн ответила с раздражением, выдававшим ярость, которую вызывала в ней тяжелая утрата:

– И что толку, если так? Чем это поможет теперь?

– А что бы он хотел, чтобы ты сделала? Уверена, он не желал бы, чтобы ты сидмя сидела в его доме с его отживающей свой век матерью.

⁶ *Джорджия О'Киффи* (1897–1996) – американская художница, член американской Академии искусств, чьи работы представлены во всех крупных музеях современного искусства в США.

⁷ *Абикиу* – деревушка в 80 км от Нью-Мексико, в которой Джорджия О'Киффи прожила сорок лет.

⁸ *Роксбери* – пригород Бостона.

– Конфетка моя, прости, но я не хочу ехать в Нью-Мексико. От Гудзона на запад все везде слишком американское, такое, что, будь это телевизор, хотелось бы сразу же его выключить. Но выключить невозможно; там все слишком большое, чтобы отмахнуться: все эти бескрайние поля пшеницы и кукурузы, стада, сонмы ожиревших религиозных людей с флагами, развешивающимися на их пикапах, стойки с дробовиками. Меня это пугает, Лекса, как чужая страна, только еще хуже, потому что понимаешь язык.

Пока Александра слушала эту раздраженную речь-приглашение, в голове у нее промелькнула мысль: а что, если вырваться из своей монотонной вдовой жизни – пробиться сквозь все эти ежемесячные выборы «лучшей прозы» в книжном клубе, посиделки за бокалом вина и ужины в складчину с таосскими «подругами», оставление ворчливых сообщений на автоответчиках своих неуловимых детей, борьбу с лишним весом при помощи утомительных, до покалывания в щеках, прогулок по горной сельской местности на север, к пику Уилер, в сопровождении единственного своего спутника – страдающего артритом старого черного лабрадора, которого они с Джимом взяли еще щенком и которого она теперь называла Пеплом из-за поседевшей сизой шерсти и остекленевше-белесых, как у хаски, глаз? В Иствике ее лабрадора звали Угольком. Они с Пеплом, связанные друг с другом поводком, который был призван защищать не столько мелкую дичь от собаки, сколько собаку от койотов, тянули друг друга сквозь рыжевато-коричневые заросли овсянки. Александра брала с собой кольт Джима сорок пятого калибра на случай нападения стаи. Ранчо с обширными полями и пастбищами поднимались все выше в горы, и старая женщина в джинсах и кожаной куртке, с наполовину поседевшей головой, с дряхлым псом и покоящимся в кобуре кольтом сорок пятого калибра казалась чужакам – обитателям местных просторов, в свою очередь, чужой и подозрительной. Вот так и живешь, думала она, в окружении все большего и большего количества чужаков, для которых ты – лишь разовое явление, портящее вид. Только такой человек, как Джейн, знавшая ее тогда, когда она была в расцвете своей красоты и неумности, сможет простить ее за то, что она стала старухой. Она невольно всхлипнула при мысли о том, что это ее последняя оставшаяся хрупкая привязанность.

– Мы могли бы отправиться в какую-нибудь действительно чужую страну, – предложила она Джейн. – Вместе.

– Вдовы на марше. Вдовы – в мир, – обыграла та безжалостно, как мог бы сделать только совсем бессердечный человек, название популярного ресторана на верхнем этаже манхэттенского небоскреба, трагически рухнувшего несколько лет тому назад.

– Я ездила в Канаду в тот год, когда умер Джим, – предприняла Александра еще одну попытку голосом, который даже ей самой показался трусливым.

– Канада? – презрительно фыркнула Джейн. – Вот уж с-с-смехотворный выбор!

– Их Скалистые горы очень красивы, – слабо возразила Александра. – И спутники по группе были со мной весьма любезны, особенно австралийцы, но, будучи без пары, я чувствовала себя неуютно. Неуютно и робко. Вдвоем мы были бы храбрее и жить могли бы в одной комнате. Ну хотя бы подумать об этом ты можешь?

Засевшая в своем роскошном темном доме Джейн всячески сопротивлялась уговорам.

– Не желаю я ехать ни в какое мерзкое место вроде Канады.

– Ну разумеется, нет.

– Вся Северная Америка – мерзость.

– Даже Мексико?

– Там всех прохватывает понос. А сейчас еще случаются социальные взрывы. Американец не может чувствовать себя в безопасности даже в центре Мексико. В сущности, американцы нигде не могут чувствовать себя теперь в безопасности. Мир ненавидит нас, признай это. Он завидует, и ненавидит, и винит нас за свою собственную глупость, продажность и за свои несчастья.

– Но к гостиничным консьержам это точно не относится. А также к тем, кто водит туристские автобусы. Создается впечатление, что *вообще* не существует места, куда бы ты хотела поехать. Вы с Нэтом когда-нибудь были на Ниле, у пирамид? Ездили в Китай посмотреть на стену? Неужели тебе не хочется увидеть мир, прежде чем мы его покинем? Ведь стоит сломать шейку бедра, потерять способность ходить – и все путешествия для нас окажутся закрыты.

– Я не собираюсь ломать шейку бедра.

– Никто не собирается, но случается же. Они имеют привычку ломаться. Как ты сама только что сказала, ужасные события происходят, хотим мы того или нет.

– Разве я это говорила? Что-то не помню.

– Подразумевала. Когда говорила, что мир перестал быть безопасным для американцев. – Александра сама удивилась своей напористости. Просто возвращение в ее жизнь Джейн, об которую можно было биться, как об стенку, разогнало ей кровь. Она поймала себя на том, что умоляет: – Нет надобности принимать решение немедленно. Мы теперь снова на связи, чему я очень рада. Подумай о нашем совместном путешествии и позвони мне. Я поеду, куда бы тебе ни захотелось, если смогу себе это позволить. Только не на Южный полюс и не в Северную Корею.

– Нэт всегда говорил, что коммунистические страны – самые безопасные в мире. Там все оружие сосредоточено в руках государства, а государство держит крышку крепко закрытой, не давая пару вырваться. Это не значит, что он туда когда-нибудь ездил. Самым дальним его путешествием было путешествие в Англию – очень по-с-с-социалистичес-с-ски.

Если бы они продолжили разговор о путешествиях, он мог приобрести душок. Александра, у которой рука заболела держать трубку возле уха, сменила тему.

– Тинкер, – сказала она. – Расскажи мне об этом семействе. На «Мэйфлауэре» были Тинкеры?

– Они встречали «Мэйфлауэр» здесь. Тинкеры прибыли сюда за несколько лет до того на весельной корабельной лодке.

– О Джейн! Как приятно, что ты шутишь. Мои ровесники, с которыми я тут знаюсь, все такие серьезные, ни о чем другом не говорят, кроме как о бесплатном медицинском обслуживании, недвижимости и слабой поддержке искусства государством.

* * *

Джейн отзвонилась ей не скоро, так что Александра даже не сразу узнала ее угрожающий голос, звучавший почти как мужской. Голос произнес только одно слово:

– Египет.

Застигнутая врасплох, она пролепетала:

– П-прошу п-прощения?

– Египет – вот куда нам надо ехать, дурочка, – объяснил голос с выплеском нетерпения, по которому сразу стало ясно, что это Джейн Смарт. Александре трудно было воспринимать ее как Джейн Тинкер.

– Но, Джейн, разве это не опасно? Разве все арабские страны не представляют собой угрозу для американских туристов?

– Прежде всего, Лекса, египтяне – не арабы. Они, так же как и мы, считают арабов ужасными сумасшедшими людьми. Правда, они – большинство из них – мусульмане, это так, но их высшие классы, точно как и у нас, исповедуют агностицизм, и в стране все еще имеется некоторое количество христиан-коптов.

– Но разве Мохаммед Атта⁹ не был египтянином? И разве не происходили в Египте массовые убийства туристов?

– Я спрашивала об этом в туристическом бюро, – сказала Джейн своим ледяным, твердокаменным голосом. – Они дали мне брошюру. Вот она передо мной. «Инциденты» случались: с-с-семнадцать греческих туристов в каирском отеле в тысяча девятьсот девятосто шестом году, девять немцев в главном музее в тысяча девятьсот девятосто седьмом. В том же году, позднее, произошел самый ужасный случай – пятьдесят восемь иностранных туристов, в том числе тридцать пять ш-ш-швейцарц-ц-цев, плюс четверо египтян были убиты в Луксоре у входа в совершенно потрясающий храм какой-то древней царицы. Но похоже, американцев там не было, и египетская полиция действовала очень эффективно, все шесть террористов были очень быстро убиты. Если туристы перестанут ездить в Египет, Лекса, это будет означать победу террористов. Пострадает египетская экономика, что и является целью исламского джихада. Террористы хотят, чтобы население было нищим, невежественным и доведенным до отчаяния, потому что это делает его более религиозным. Чего они не хотят, так это мирного функционирования глобального рынка и его модернизирующего воздействия. Чего они очень не хотят, так это доступа женщин к образованию, поскольку это ключ ко всему хорошему и прогрессивному, происходящему в мире: от снижения уровня рождаемости до борьбы со СПИДом. Я не верю, что ты можешь быть против всего этого, дорогая, заодно с Усамой бен Ладеном и муллой Омаром.

– О, Джейн, разумеется, я не против идеи поехать в Египет; по-моему, я первая ее упомянула. Вопрос состоит в том, не опасно ли в реальной жизни ехать туда в это беспокойное время.

– Время никогда не будет спокойным – во всяком случае, еще долго, – ответила Джейн, приправив свое заявление острой смесью ехидства и фатализма.

Слушая этот виртуальный голос из далекого зловещего дома, сиплый шкворчащий голос из прошлого, Александра отдыхала взглядом на линейных всполохах юго-западного солнца, игравших на стеклянной поверхности ее кофейного столика, на полосах – черных, красных, зеленых и бронзовых – плотного шерстяного навахского коврика с бахромой, отбрасывавшей мелкие пушистые тени на землистого цвета плиты пола, и на стопке глянцевого книг по искусству, покоившейся на нем. Ее душа противилась тому, чтобы покинуть этот надежный остров покоя. Горшки Джима, изысканные по окраске и силуэтам, стояли на полках и подоконниках в большой солнечной комнате, здесь каждая тряпочка и каждый предмет солидной функциональной мебели были выбраны ею после долгих раздумий, советов с Джимом и неторопливых походов по магазинам. Раньше, на востоке, мебель просто вырастала вокруг нее, как грибы: доставшееся по наследству, кем-то выброшенное, временное – все вперемешку; тот ее дом представлял собой промежуточную станцию, что-то вроде очередного этапа взросления детей, требующего новой одежды, игрушек, принадлежностей и учебников, необходимых лишь на время и полностью заменяемых другими на следующем этапе. Здесь же, в высокогорном, сухом любимом Таосе, она обустроивалась основательно, чтобы в конце концов привести дом в тот вид, когда ничего уже не надо менять. Но потом Джим умер, оставив ее придумывать себе новый образ жизни.

– Джейн, – сказала она, стараясь выиграть время, чтобы облечь свой отказ в форму, которая не порвала бы бесповоротно эту связь с ее былым, когда она не так боялась новых возможностей, – ты просто сбила меня с ног.

– Вот всегда ты была такой, Александра. Ты всегда ненавидела любую инициативу. Вспомни, как долго ты позволяла этому нелепому толстому итальянскому водопроводчику вертеть с-с-собой. Уж не помню, как его звали, он вечно ходил в шляпе с дурацкими узкими

⁹ Мохаммед Атта – один из террористов, захвативших самолет рейса № 11 авиакомпании «Американ эрлайнз». Предположительно именно он находился за штурвалом самолета, который нанес удар по южной башне Всемирного торгового центра.

полями, словно хотел этим сказать, что на самом деле он не водопроводчик, а деревенский с-с-сквайр.

– Джо Марино, – напомнила ей Александра, и само звучание имени согрело ее воспоминанием о его теле, о росших в форме бабочки волосах у него на спине, о солоновато-сладком, как у нуги, вкусе его обильного пота. Она представила себе его мясистое лицо в момент, когда он тайно приходил к ней, и потом, когда, утоленный, но все так же тайно, уходил, хотя какие уж тут тайны от города, если его рабочий грузовичок со всеми его ветхими трубами и арматурой стоял перед ее старым домом на Орчард-роуд? У Джо был крючковатый нос и распутный взгляд какого-нибудь принца эпохи Возрождения, но выражение лица всегда казалось немного озадаченным – вникал ли он в тайны древнего запорного клапана или старался встроить ее, свою колдунью-любовницу, в систему семейной благонадежности, которая не давала покоя его католической совести. Она убеждала его не беспокоиться, просто наслаждаться: она, мол, просто подарок ему, у Природы полно подарков и, улаживая ее, он ничего не отнимает у Джинны, своей жены и матери пятерых его детей, но он никак не мог избавиться от своего христианского багажа, от великого Нет, воздвигнутого на пути наших бессовестных appetitov. – Мне эти поля всегда казались очень милыми, – сказала она в защиту Джо.

– Не сомневаюсь. Давай признаемся, Великолепная, – ты была слабовольной. Не такой, как Сьюки, но для той с-с-спать со всеми подряд было тем же, что собирать информацию. А ты... ты сама ставила себя под удар и постоянно разбивала себе сердце. Даррил разбил тебе сердце, так и не сделав предложения.

– Я этого никогда и не ожидала.

– В душе я тоже. Он и мне так и не сделал предложения. Потом выяснилось, что он вообще не был стрелком-джентльменом.

– Ха! Только вспомни те времена – неужели ты не рада, что они уже позади? С их сексом, бессонницей, со всеми их жестокосердными интригами.

– Позади?! – зловеще переспросила Джейн.

– Джейн, мы старухи! Мы никому не нужны, кроме внуков, да и то лишь в первые полчаса встречи. Я нахожу, что это дает свободу.

– Мы не свободны. От желаний освободиться нельзя. Сэм Смарт, бывало, говорил мне, что клитор очень чувствителен, но не слишком умен. Он не знает, когда следует остановиться.

– Ох уж этот Сэм! Честно признаться – ты прости меня, Джейн, – он никогда не вызывал у меня симпатии. У него был...

– Весь ум в ш-ш-штанах, – вставила Джейн.

– Кстати, я очень рада, что ты вспомнила Сьюки. Как она? Наверное, вы с ней изредка видите, Коннектикут ведь близко от тебя?

– Не так близко, как ты думаешь. Нас разделяет Род-Айленд. И между нами были с-с-социальные различия, которые создавали неудобства. Этот клоун из Стэмфорда, за которого она вышла, занимался компьютерами, когда они еще представляли собой огромные шкафы и никто, кроме правительства, не мог их себе позволить, потом они стали меньше и дешевле, и в начале восьмидесятых он заработал себе состояние на одном из первых текстовых процессоров, но потом появилась «Ай-би-эм» со своими персональными компьютерами, которые были дешевле грязи, и ему снова пришлось бороться. Так или иначе, для Нэта он был слишком бесцеремонным богатым выскочкой, и те несколько семейных встреч, которые у нас состоялись, окончились неудачей – один раз в «Ритце» на Арлингтон-стрит, когда там еще был ресторан наверху, помню, все было жутко чопорно, второй раз мы виделись в Нью-Йорке, когда у Нэта было одно из тех помпезных собраний какого-то попечительского совета, которые сжирают деньги акционеров, превращая их в изысканные блюда и дорогие билеты. Ленни – так его звали – поразил нас самоуверенностью и наглостью, и я не думаю, что со своим шилом в заднице он был верен Сьюки. Она нашла утешение в писании любовных романов; я просто поверить не

могу – в них нет никаких реальных ужасов и порнографии, жуткая докука для меня, потому что она всегда присылает мне экземпляр. С-с-словом, мы как-то незаметно отошли друг от друга.

– Ее муж еще жив?

– А что ему делается? Честно говоря, ему недостает стиля, чтобы умереть.

Это замечание укололо Александру, оно подразумевало, что смерть Джима, как и Нэта, была тактичной формой отступления. Джейн не желала, чтобы Александра любила кого бы то ни было. Из преданности Джиму, а также и Джо, она, набравшись храбрости, как бы между прочим сказала:

– Джейн, дорогая, едва ли я смогу поехать с тобой в Египет. Это слишком опасно, да и, признаться, дорого для меня.

– О, это не дорого! Круизы по Нилу там предоставляют почти бесплатно, чтобы привлечь туристов с Запада. Ты только вообрази, Лекса, плыть через Сахару, когда в Бостоне температура ниже нуля, а Таос забит горластыми лыж-ж-жниками и с-с-сноубордистами. Эти сноубордисты буквально переехали нас на нашей лыжной базе на Гагарьей горе. Нэт как раз проделывал свой неторопливый спуск, когда двое мальчишек сделали его мясом в своем сноубордистском сандвиче. Он выжил, но с катанием на лыжах было покончено. Спасатели с лыжной базы спускали его вниз на специальных санях, спеленатого по рукам и ногам, как младенца или как мумию, – это было оскорбительно для его достоинства; боюсь, он так и не смог этого пережить. О, пожалуйста, Лекса, прояви свое слабование ради меня. Ты не должна бросать меня; я буквально не вылезая из туристического агентства, и там мне сказали, что если мы запишемся прямо сейчас, то успеем в Египет на Рамадан. Во время Рамадана Египет особенно романтичен. Кстати, что там насчет того террористического гнезда, которое обнаружили в Канаде, – или это было в Нью-Джерси? Кажется, туристические поездки туда отменили?

– Да уж, – сказала Александра. – Послушай, Джейн, что мы там забыли? Почему бы не поехать дней на десять в Италию, не полюбоваться искусством и маленькими городками на склонах гор?

– Таинс-с-ственнос-с-сть, – ответила Джейн баритоном закадрового голоса из географического фильма. – С-с-сфинкс и смысл пирамид. Неужели они тебя не з-з-за-вораж-ж-живают – самые большие из когда-либо сооруженных строений, построенные на заре цивилизации. Как и зачем?

– Я думала, что теперь это не такая уж тайна. Камень за камнем тащили волоком от карьера – это как, а зачем – для загробной жизни фараона.

– Ох, Лекса, ну что за цинизм! Целью было сохранить тело умершего фараона, оберечь его от повреждений, не дать ничему нарушить его покой и снабдить его всем необходимым, вернее, не его, а его ка.

– Его что?

– Его ка. Можно сказать, его душу, хотя это гораздо более практическое и сложное понятие, чем душа. Есть еще ба. Если бы ты была древней египтянкой, твоя ка была бы сотворена одновременно с тобой самой, на другом гончарном круге, богом Хнумом – надеюсь, я правильно произношу его имя. Ка – не совсем то же, что ба, то есть твой дух, который изображался в виде птицы, аиста. Ка в их иероглифическом письме передавалась изображением бородатой человеческой фигуры с короной, состоящей из двух согнутых рук. А иногда – просто изображением двух согнутых рук.

– Все это наводит тоску, Джейн. Чужие религии вообще имеют свойство так действовать, ты не находишь? Они даже твою собственную окарикатуривают.

– Я просто отвечаю на твой вопрос, а вовсе не пытаюсь тебя обратить. Тебе не придется ничего узнавать или делать, просто будешь сидеть на палубе, любоваться проплывающими мимо пейзажами и раз-два в день сходить на берег, чтобы посещать разные храмы. Погода

будет божественной и еда тоже, если ты абсолютно исключишь из рациона с-с-салаты и любые сырые овощи и будешь чистить зубы только минеральной водой.

Чем больше рассказывала Джейн, тем более реальной становилась эта непрошенная поездка. Александре нравилась идея, что все мы созданы на гончарном круге в процессе вращения глины, мокрой от собственных коричневых соков. То, что другая женщина так нуждалась в ней, в то время как больше никому она особенно нужна не была – даже своим очаровательным маленьким внукам с их длинными ресницами, ясными глазками, забавным словарем и мягкими, как пудра, шелковистыми теплыми щечками, – заставляло ее все же задуматься о горячей просьбе Джейн. Круиз, если они возьмут каюту на двоих, обойдется всего в 795 долларов. Сделки Джима с продажей более или менее подлинных аборигенских кувшинов и чаш принесли сбережений больше, чем она думала, пока он был жив. Он припрятывал деньги – хотел, чтобы в стесненной вдовьей жизни она могла время от времени позволять себе кое-какие прихоти.

* * *

И вот Александра вместе с Джейн Тинкер сидела за чашкой чая в традиционно-английском отеле, за огромной стеклянной стеной, по другую сторону которой маячила гигантская треугольная тень – Великая пирамида Хеопса. Эта августовская панорама была вертикально рассечена полосами цветного стекла со стилизованным арабским узором, скрадывавшим яркость лившихся снаружи солнечных лучей. В окружении столового серебра и фарфора две женщины пытались осмыслить то, что только что узнали.

– Так, пос-с-смотрим, – сказала Джейн. – Самая большая и самая древняя была построена Хеопсом, та, что чуть поменьше, у которой наверху сохранилась шапочка известняковой облицовки, – Хефреном, а та, что намного меньше, которую начали строить из гранита, а закончили грубыми кирпичами, – Микерином. Что там сказал гид? Его пирамида была самой маленькой, но он был самым добрым фараоном.

– Доброта, полагаю, не входила в набор главных свойств характера фараона, – отозвалась Александра. – Гид, если я правильно расслышала, сказал, что двое остальных, отец и дед Микерина, были тиранами, но так повелели боги: чтобы деспоты правили Египтом сто пятьдесят лет; квота была почти исчерпана, поэтому оракул сказал ему, что он будет царствовать всего шесть лет. И чтобы провести их с максимальной приятностью для себя, Микерин предавался чревоугодию и возлияниям ночи напролет. От всего этого устаешь, правда? – продолжала она. – Все это идолопоклонство и тирания, и это ж когда было! Когда мир еще оставался невинным.

Как знали теперь подруги, пирамиды были возведены на заре египетской цивилизации, в период правления Четвертой династии, за две с половиной тысячи лет до Рождества Христова.

– Не понимаю, почему это тебя утомляет, – сказала Джейн, искренне несогласная с Александрой. – Ведь с тем же основанием можно радоваться тому, что пирамиды все еще стоят. Только подумай! Есть ли в Соединенных Штатах что-нибудь, что сохранится через четыре с половиной тысячи лет?

Еще не вошедшие в суточный биоритм после долгого перелета, женщины чувствовали себя в своей легкой одежде прозрачными и усталыми. Было жарко и трудно дышать на несущем песок пустынным ветру. Накануне на их обостренные бессонницей чувства каирский аэропорт произвел впечатление кошмара: все кругом торговались, кричали, казался подозрительным встречавший их представитель турбюро с огромными темными глазами и неискренними хитрыми улыбочками, которыми он стрелял направо и налево – только не непосредственно глядя им в лица. Даже когда ему удалось все же деловито сбить в стадо несколько других туристов – участников их группы, ими оказались подсевшие в самолет в Париже и говорившие по-французски люди, фонтанировавшие нечленораздельными вопросами и жалобами, что не при-

несло никакого утешения двум американским вдовам. Предупрежденные о придириках, которые любят чинить в аэропортах третьего мира, Александра и Джейн извели своего торопливого сопровождающего, не желая расставаться со своими паспортами и обратными билетами. Они не спешили выполнять его указание следовать за ним, когда он с помощью незаметно вручаемых «пожертвований» прокладывал окольный путь к багажному транспортеру; автобус с включенным тархтящим мотором, как спортсмен на старте, ждал их снаружи, посреди пыльного беспорядочного потока транспорта. Двинувшись наконец в путь, он без конца останавливался и снова срывался с места, расчлняя забитые машинами улицы на отдельные картинки, словно нарисованные сепией в альбоме экзотических видов: светло-коричневые дома, то ли полуразобранные, то ли незавершенные.

Уже обосновавшись в гостиничном номере, женщины обнаружили, что их подходы к проблеме смены суточного биоритма разнятся: Александра мечтала нормально поспать в постели хотя бы часок, Джейн настаивала, что нельзя давать себе поблажек, а следует делать вид, будто египетское время и есть теперь то время, в котором функционирует твой организм. Нетвердо держась на ногах, Александра побрела за ней на улицу. Что-то восхитительное витало в воздухе чужой метрополии, какие-то кулинарные ароматы, выхлопные газы, резкий запах специй, напоминающий запах дыма от мескитового дерева, но она невольно ощущала себя больше бросающейся в глаза, более крупной, более иностранкой и женщиной, чем маленькая, шустрая, невозмутимая Джейн. Александра привлекала к себе взгляды и чувствовала, как они прилипают к ней, между тем как Джейн сердито стряхивала их с себя и плыла дальше, рассекая воздух. До сих пор Александра была благодарна подруге за компанию: Джейн освобождала ее от необходимости постоянно принимать решения и делать расчеты, что обременяет одинокую женщину. Но теперь она начинала испытывать страх измены и предательства, который несет в себе любая связь с другим человеком. За Джейн было трудно угнаться, когда она пробивала себе дорогу через полуденную толпу – колышущуюся массу людей в длинных свободных платьях и галабях, в головных платках, обмотанных порой и вокруг нижней части лица так, что в просвете, словно глянцевого спинки пойманных жуков, мерцали лишь влажные оживленные глаза. Улицы сужались, все теснее вдоль них располагались самые разные лавки, в которых торговали замысловато изукрашенными чеканкой и инкрустацией медными кувшинами и блюдами, сушеными травами в пергаментных пакетиках, миниатюрными сфинксами и пирамидами из блестящего легкого металла или мертвенно-бледной пластмассы, скарабеями, вырезанными из серо-зеленого мыльного камня, и во множестве тесно стоящих ларьков – полным набором пластмассовой домашней утвари всех цветов радуги, всякими полезными принадлежностями вроде лоханей и ведер, совков для мусора и жестких щеток, скребков для пяток и бельевых корзин, отштампованных узором, имитирующим плетение из натуральных прутьев. Убогость этой домашней утвари, точно такой же, какая пылится в прогорающих лавках захолустных городков Нью-Мексико, всколыхнула в Александре чувство общности человечества и одновременно усилила в ней самоощущение неуклюжей, слишком бросающейся в глаза чужестранки. Из этого укутанного в длинные хламиды и платки окружавшего ее многолюдья в любой момент мог сверкнуть нож, как это приключилось много лет назад с нобелевским лауреатом, один из романов которого она начала читать для своего книжного клуба в Таосе, да так и не смогла закончить. Или бомба, установленная с некой неясной целью фанатиком, могла взорваться, сровняв с землей и далеко раскидав ошметками все эти теснящиеся друг к другу хилые лавчонки вместе с ее бедным телом, начиненным стальными осколками.

Но никакой акт исламского насилия не прервал их исследовательского похода, закончившегося тогда, когда лавки начали редеть и огни в окнах потускнели в голубоватом свете редких уличных фонарей, которые не столько освещали тротуар под ногами, сколько добавляли более легкой тени темному фону кирпичей, булыжников и осыпающейся штукатурки там, где немногие слабо освещенные желтоватым светом окна выдавали признаки присутствия человека и

пешеходы в бледных робах быстро и тихо, словно украдкой, спешили прочь. Две американки нашли дорогу обратно в отель и, облачившись каждая в один из немногих, но тщательно отобранных для поездки «роскошных» нарядов, приняли участие в устроенных для знакомства членов группы друг с другом коктейле и сервированном на западный манер ужине, коими хозяйка приветствовали вновь прибывших. Большинство туристов в группе, как оказалось, были европейцами – французами, немцами и скандинавами, плюс кучка японцев. Несколько немцев со свойственной им сдержанной учтивостью подошли и на вполне приличном английском языке бодро поприветствовали американок; представились им и две-три английские пары, занимавшие здесь ту же уютную нишу островного братства, какую в Канаде заполняли австралийцы. Что касается имевшихся в наличии американцев, то они были «олухами», как доверительно прошипела в ухо Александре Джейн. Разговор, который грубыми голосами громко вели между собой их соотечественники обоих полов и который постоянно прерывался взрывами развязного смеха, большей частью касался их отчаянной храбрости, позволившей им бесстрашно приехать сюда, в этот враждебный мусульманский мир.

В спокойном уединении своей комнаты Джейн и Александра сошлись на том, что в этой поездке они будут держаться только друг друга, игнорируя всех остальных. Джейн быстро сорвала с себя одежду, нырнула в кровать, стоявшую подальше от единственного в номере окна, и спустя пять минут Александра узнала нечто, чего не знала о старой подруге, несмотря на многие часы, проведенные ими вместе в Иствике на вечеринках, собраниях разных комитетов и шабашах, за кофе, чаем и коктейлями: Джейн храпела. У Александры был некоторый опыт в этом смысле: Оззи Спюффорд, страдавший сезонной сенной лихорадкой, сопел во сне, а Джим Фарландер, особенно когда накачивался перед сном виски и пивом, так быстро достигал громоподобной силы храпа, что успевал проснуться сам, прежде чем она созревала для того, чтобы раздраженно пнуть его и заставить изменить позу, не выбираясь из сонного кокона. Мужа пнуть можно; любовник уходит, не засыпая рядом с тобой. Джейн в своей двуспальной кровати была вне досягаемости Александры, и ее глубокое дыхание вызывало громкое трение не находившего выхода наружу воздуха о носовые перегородки. При каждом долгом вдохе их вибрация, усиленная внутриносовым резонансом, достигала, как казалось Александре, точно такого же высокого уровня шума, как в дневное время – ее разговор.

Спящая или бодрствующая, Джейн с беспощадной и неумолимой настойчивостью требовала, чтобы ее слушали; в ней всегда было нечто неостановимое, играла ли она на своей виолончели, каламбурила или творила злые чары. Во сне Джейн всасывала кислород из воздуха в негибаемо жестком ритме механического насоса, монотонно и ненасытно; каждый ее выдох достигал некой шершавой стены, о которую ударялся и царапался, после чего возвращался назад в форме крюка, который оставлял в мозгу Александры очередную зарубку, все дальше унося сон; она пыталась вогнать себя в дремоту, считая эти выдохи-вдохи, потом – сосредоточившись на потолке, который дрейфовал над ней, отражая вспыхивающий и обходящий его по кругу свет фар все реже проезжавших по улице внизу такси. Но ничто не могло эффективно отвлечь ее от оскорбительно свистящего категоричного храпа Джейн, чье тело тем временем непоколебимо плыло сквозь ночь, накапливая энергию для требующего напряжения сил завтрашнего осмотра достопримечательностей, лицезреть которые выпадает лишь раз в жизни.

Подобное бессознательное отстаивание своего превосходства, как казалось Александре, выдавало безжалостную враждебность; в одурманенном бессонницей и яростью состоянии ей мерещилось, что Джейн убила своего мужа, год за годом своим храпом не давая ему спать. Не испытывая никаких угрызений совести, она втоптала несчастного Нэта Тинкера с его тщательно собранными коллекциями антиквариата и всевозможных членств в могильный прах.

Наконец, в некий неведомый кромешно-черный час ночи простыни на кровати Джейн зашелестели и ее босая нога коснулась пола. Дряхлый мочевой пузырь потребовал опорожнения от вечерних коктейлей и вина, и Александра, как озорная ученица, дождавшаяся момента,

когда учитель не смотрит в ее сторону, соскользнула в целебное забытие в тот момент, когда послышался отдаленный звук спускаемой воды.

Тем не менее загадку Великой пирамиды, от которой ее отделяли сейчас стекло и пыль, она пыталась решать не полностью отдохнувшим умом. Она уже успела объехать ее вокруг. После того как их автобус припарковался на стоянке, вся группа пересекла плоскую территорию, местами каменистую, местами песчаную, которая напомнила ей инопланетную поверхность ледника Атабаска. Мальчишки-торговцы наперебой совали ей соединенные в гармошки альбомчики открыток; голодные мужчины в грязных галабях предлагали прокатиться на их белокурых верблюдах в истрепанном убранстве из одеял, украшенных кисточками. Оцепеневшая, мечтая о том, чтобы избавиться от этого унылого окружения, и, вероятно, оживив в памяти свое величавое восхождение на пик Сэнсона, когда она победно ступала по воздуху, паря над широко раскинувшимися под ней сизыми, как голубиное крыло, горами, она под напором особенно жалкого на вид погонщика решила принять предложение совершить рейд верхом на верблюде вокруг пирамиды за сумму, в египетских долларах равнявшуюся менее чем тридцати долларам американским.

Но сидеть на верблюде, в покрытом ковром грубом деревянном кресле, заменявшем седло, было совсем не то что шагать по широкому настилу на своих двоих, и четвероногое существо под ней, как небо от земли, отличалось от хорошо выезженных и послушных лошадей, на которых она в детстве каталась в Колорадо и потом, в годы второго замужества, в Нью-Мексико. Узловатые, с вывернутыми внутрь коленями ноги верблюда подняли Александру слишком высоко, а вожжей, за которые можно ухватиться, у нее не было. Она раскачивалась взад-вперед так, словно животное хотело сбросить ее, запустить прямо в космос своим горбом-катапульты. У этого верблюда было слишком много суставов, а мозги у него, как и у нее, работали в лучшем случае вполсилы. Она почувствовала себя вознесенной и в маячившем внизу крохотном белом лице Джейн увидела отражение собственной паники, которую испытывала, возвышаясь на этой чистокровной, остро пахнущей, волосатой турбулентности сродни бурным порогам эволюции, когда единственно способное справиться с пустыней четвероногое завернуло за угол. Однако из вежливости и сострадания к погонщику, которого недостаток передних зубов делал, быть может, на вид более жалким, чем он был на самом деле, она продолжала ехать безропотно, хотя горизонт, раскачивавшийся перед глазами, как поверхность разгневанного моря, песок, засыпавший глаза, и гигантские кубические блоки Великой пирамиды, делавшие все более близкие фехтовальные выпады в ее сторону, казалось, вот-вот преодолеют силу притяжения и обрушатся персонально на нее.

Наконец, когда кругопирамидное плавание было завершено, погонщик несколькими утробными выкриками и быстрыми движениями кнута дал верблюду команду опуститься на колени. Александра изо всех сил старалась не вылететь вперед через голову животного, чтобы не растерять остатки собственного достоинства; на твердую землю она ступила ногами, дрожавшими так, словно они были закованы в лед. Верблюд, чья поделенная на доли мягкая, как велюр, морда вдруг оказалась рядом с ее лицом, оскалил длинные, цвета спелой кукурузы зубы и, высокомерно хлопая двойными ресницами, издал до смешного подвижными губами звук, напоминавший испускание газов, поскольку был не меньше рад избавиться от нее, чем она – от него. Погонщик принял плату с таким глубоко почтительным «салам», что Александра поняла: она ему сильно переплатила. Прибегнув к некой международной формуле вежливого ответа, она пробормотала «*pas de quoi*»¹⁰ и, разгоряченная и взъерошенная, глупо, как кокетничающая девица, улыбнулась ему; но погонщик уже смотрел поверх ее головы, жадно выискивая среди туристов очередную жертву.

¹⁰ Не за что (*фр.*).

Джейн не сделала комплимента ее отваге и не выразила радости по поводу того, что она осталась жива. Она встретила ее словами:

– Ты не чувствуешь себя грязной? Как ты думаешь, сколько блох и микробов живет в верблюжьей шкуре?

После пытки храпом Джейн в течение многих бессонных часов Александра больше не была намерена спускать ей оскорбления.

– Думаю, не больше, чем во всех других местах. Если ты сдвинулась на микробах, Джейн, нечего было ехать в Африку. – Но чтобы смягчить свою отповедь, она спросила: – Как я выглядела?

– Как Лоуренс Аравийский ты не выглядела, если ты это хотела услышать.

– Ты меня сфотографировала на фоне пирамиды? – Прежде чем довериться верблюду, она вручила Джейн свой фотоаппарат – маленький «Кэнон» доцифровой эпохи.

– Да, надеюсь, сфотографировала, хотя я терпеть не могу чужие фотоаппараты. У них внутри всегда что-то лязгает и стрекочет. Насчет пирамиды тоже не уверена. Ракурс был неудобный, и ты все время вертелас-с-сь.

– Это все понятно, но все же надеюсь, ты не запоролла снимок, Джейн. Было бы очень забавно послать его моим внукам. Однако без пирамиды будет похоже, что он сделан в зоопарке.

– О, внуки! Да им на нас плевать, дорогая, смирись с этим. Мы для них – надоедливые, создающие массу неудобств старухи. Теперь мы нужны только себе самим.

Исключительно из желания притушить идущий от Джейн негатив, который так быстро проник в их совместное приключение, она, когда они уже сидели за чаем, сквозь сверкающие бусинки света глядя на Великую пирамиду, заставила себя спросить:

– Что ты об этом думаешь? О чем оно тебе говорит?

– Оно говорит мне о том, – ответила Джейн, – что люди – идиоты и вс-с-егда были идиотами. Только представь себе этот нечеловеческий труд и все это инженерное искусство, затраченные лишь ради того, чтобы один человек мог вообразить, будто он способен обмануть собственную смерть.

– А разве он ее не обманул? Его имя осталось жить на все последующие времена. Хеопс. Или Хуфу. Джейн, ты должна признать, что само по себе это сооружение колоссально. Как там в автобусе сказал гид – более двух миллионов блоков весом от двух до пятнадцати тонн? Археологи до сих пор не могут понять, как эти камни поднимали наверх.

– Очень просто. По наклонной плоскости.

Когда Александра проявляла восторженность, Джейн была склонна осаживать ее.

– Да, но подумай: невероятное количество материала, использованного при постройке этой наклонной плоскости, куда его дели потом? И результат так прост, так элегантен – так скромно, я бы сказала. И другая, та, что принадлежит его сыну, почти такая же большая. И маленькая, как медвежонок, построенная его внуком. Они меня восхищают. Я так рада, что мы здесь. Я чувствую себя теперь мудрее. Неужели ты – нет?

– Не знаю, – призналась Джейн. – Меня часто не трогает то, что трогает других. Оно меня пугает. Я как те люди, родившиеся без каких-то важных нервов, которые могут жевать собственный язык, потому что не чувствуют боли.

В порыве чувств Александре захотелось на миг притронуться к тыльной стороне руки подруги, там, где кожа была обнажена. В турагентстве их предупредили, чтобы они прикрывали руки и носили длинные юбки; прятать волосы под платком для туристок пока не было обязательно. У правительства еще хватало силы удерживать в рамках возрождающуюся и становящуюся монолитной, как пирамиды, религиозную веру.

– Не говори так, дорогая, – ласково сказала Александра. – У тебя все нервы в наличии, как и у всех нас. Тебе вовсе не обязана нравиться Великая пирамида, постарайся просто уважать ее. Помнишь, что это была твоя идея поехать в Египет?

В режущем свете пустыни Джейн выглядела старой, скукоженной. Синие прожилки вен вились по тыльной стороне ее ладоней.

– Прошлое отдает с-с-смердом чуда, которое больше не действует, – сказала она. – На самом деле оно никогда и не действовало. Просто давало священникам власти больше, чем шло им на пользу.

– На тех, кто верил, оно действовало. Может быть, действовало. Делало их менее беспокойными. Насколько я помню, мы сами в Иствике верили, что существовала некая древняя религия, пока не пришли мужчины и не подчинили ее себе так же, как родовспоможение и haute couture.¹¹ То была религия Природы, которая не умерла, – женщины продолжали нести ее в себе, даже когда их пытали и убивали.

– О чем ты говоришь? Разве женщины построили пирамиды?

– Нет, но они были рядом, во всяком случае царицы. В древних египтянах есть некая утонченность и благородство. Они любили Природу – посмотри на погребальные росписи, которые изображены на открытках, которые нам постоянно пытаются всучить, там повсюду тростник, цветы и еда, они хотели, чтобы все это было у мертвых. Для них жизнь после смерти была этой жизнью, продолженной в вечность. Вот о чем говорят пирамиды: дайте нам еще жизни. Еще, еще, пожалуйста. Они строили их такими грандиозными, чтобы каждый мог их видеть – мог видеть, что фараон верит в иную жизнь и возьмет их в нее с собой.

– Не думаю, что это было частью сделки, – сухо возразила Джейн. – Фараон – особый случай. Он отправлялся в плавание один.

– Они были как наши президенты, – продолжала убеждать Александра. – Мы не выбираем людей, которые не верят в Бога или лишь притворяются, что верят. Они верят от имени всех нас. Благодаря им мы чувствуем себя лучше, пусть они добиваются этого даже такими способами, как это делали в прошлом какие-нибудь ужасные папы.

Джейн вздохнула и сказала:

– Я приду в себя, Лекса. Как только мы окажемся на реке. Нэт любил плавать. А я ненавидела и отговаривала его от путешествий по воде. Это камнем лежит у меня на совести, как и все другое.

Но прежде чем сесть в самолет до Луксора, где им предстояло взойти на свое туристское судно под названием «Гор», нужно было, согласно расписанию, провести еще один день в гнетущем, огромном, хиреющем Каире. Автобус доставил их через запруженные улицы к кишашей людьми площадке перед гигантским музеем фараоновых древностей. Стиснутая со всех сторон, их группа послушно прошаркала через металлоискатель и далее, зал за залом, – мимо колоссальных порталов, фризов, саркофагов. Фараоны, широколицые, с оголенными плечами, с высокими скулами и злобноватыми улыбками, были воплощены на века в граните, кое-где испещренном розовыми и серыми пятнами, кое-где чисто-черном, добытом из карьера, перенесенном в другое место, выдолбленном и старательно отполированном людьми, чьи глаза, руки и даже кости давным-давно изошли паром в котле времени.

Мрачная тяжеловесность смерти заставила замолчать эфирный миг жизни, моливший: еще, еще... На первом этаже были самые высокие потолки и самые большие статуи. Гигантский Рамзес Второй – колосс с руками, застывшими вдоль тела, – стоял возле входа, устремив взгляд к окаменелому небу собственной божественности. В другом месте – широкобедрый длиннолицый Эхнатон, в эффектном, но отталкивающе андрогинном образе которого навечно запечатлено временное отклонение от суетливой процессии фараонов, династий и богов – в сто-

¹¹ Высокая мода (фр.).

рону монотеизма и поклонения солнцу. Его широкие бедра, вялые толстые губы и отсутствие мужских гениталий заставили Александру задуматься о полах – о грандиозном, исступленном обмене генами, который, как теперь известно, происходит даже в мире бактерий. Глубочайший сладостный секрет Природы, для нее он теперь – лишь тускло мерцающее воспоминание. Этажом выше, отделившись от группы, она предалась искушению сродни посещению деревянного ярмарочного паноптикума – отправилась в строго охраняемый зал мумий. Таблички на английском и арабском языках призывали соблюдать уважение к мертвым. Маленькие коричневые высохшие тела с мышцами рук и лиц, застигнутыми в момент последнего сокращения, были спеленаты, как младенцы, наружу торчали лишь крохотные ноги, жилистые, как вяленое мясо, и темные, как обугленные головешки. Взгляд Александры упал на табличку возле одной, особенно сморщенной и жалкой мумии с сердито поджатыми губами и черепом, запрокинутым, как у вглядывающегося в небо звездочета. Табличка гласила: «Рамзес II». Гигантская статуя внизу. Тот же человек. Богочеловек, который не смог спасти себя. Наглядное свидетельство того, что бездны истории так же тошнотворно круты, как и бездны природы.

На верхнем этаже музея туристы с уставшими ногами и глазами во главе со своим полуразборчиво тараторящим, чуть прихрамывающим гидом предстали перед сокровищами фараона-подростка Тутанхамона, чья гробница – случай уникальный для Долины царей – избежала разграбления и оставалась нетронутой вплоть до новейших времен. Эбеновые статуи в человеческий рост сторожили царскую погребальную камеру, в которой находились царское опахало из страусиных перьев, игровые столики, охотничье снаряжение, бумеранги, дубинки, щит, декоративные мотыги, корзины и разные амулеты – вещи, призванные обеспечить мальчика, так рано умершего, всем необходимым в его загробной жизни.

– Разве не мерзость эта дубина? – произнесла возникшая рядом с Александрой Джейн.

– В те времена считалось, что их необходимо иметь, – прошептала Александра.

Хромоногий гид объяснял сдавленным высоким голосом по-английски:

– Бесценные сокровища Тутанхамона, погребенные вместе с ним, были обнаружены англичанином Говардом Картером в тысяча девятьсот двадцать втором году. Он нашел их в беспорядочном состоянии, как будто то ли грабителей спугнули, то ли жрецы исполняли свои обязанности в неподобающей спешке.

Множество последовательно расположенных залов со спертым воздухом были забиты принадлежностями фараона Тутанхамона: эбеновыми статуями, простыми и позолоченными; различными тронами и табуретами прекрасных форм, включая знаменитый золотой трон; алебастровыми вазами; моделями кораблей с мумифицированными запасами продовольствия и магическими эмблемами; были там и всевозможные кровати, в том числе складная походная кровать и две большие, использовавшиеся для бальзамирования, за процессом которого надзирали лепные головы богини-коровы Хатор и богини-гиппопотама Таварет. В одном из залов с высоким потолком американки задержались возле алебастровой канопы¹² с четырьмя углублениями, в которых хранились забальзамированные внутренности мальчика-царя: в пыльных ячейках лежали крошащиеся ткани.

Онемевшие туристы разглядывали реалистически вылепленную на деревянном каркасе поясную скульптуру Тутанхамона и «ложе Осириса» в форме фараонова тела, в свое время заполненное землей, уложенной на льняное полотно, засеянной семенами и политой, чтобы семена могли взойти в его могиле, символизируя возрождение. В следующих залах хранились фараонов саркофаг из литого золота, знаменитая великолепная маска, закрывавшая лицо мумии, скарабеи и пряжки из красного золота, серьги, кольца и вторгшийся из другого, более жестокого будущего мира нож с железным лезвием. В последних помещениях были представлены призванные наставлять мертвого царя на загробном пути магические заклинания из

¹² *Канона* – высокий сосуд, в который клали внутренности покойного, вынутые при бальзамировании.

«Книги мертвых» и нарисованные фигуры разных богов, которых ему предстояло встретить в Подземном царстве. Как призраки, взирающие на собственные трупы, две женщины рассматривали обломки магической системы, сколь изощренной, столь и бесполезной.

– Они верили, – объяснял гид, голос которого становился все более тонким и раздраженным, – что в каждом человеке живут пять сущностей: твое имя, твоя ка, твоя ба, твое сердце и твоя тень. При входе во врата загробной жизни твое сердце взвешивают, положив на другую чашу весов перо – перо истины и справедливости. Если чаши не сохраняют равновесия, сердце достается Пожирателю, полугиппопотаму-полукрокодилу.

– Как ты, куколка? – заботливо спросила Александра. Предыдущей ночью храп Джейн был не таким ужасным – теперь он напоминал не столько череду вонзающихся в мозг и приводящих в бешенство крюков, сколько ровный скрежещущий шумовой фон, а Александра была настолько вымотана, что нервное напряжение путешествия отпускало ее, постепенно уступая место привычке и терпимости, и она смирилась с этой шумовой подкладкой тишины, убедив себя, что здесь по крайней мере ее не тревожат, как в Канаде, непонятные звуки и красные сигнальные огоньки. В Египте, похоже, сигнальных огней не было.

– У меня нет слов, – ответила Джейн. – Сколько жехлама может храниться на чердаке!

– Джейн, но многое из этого так прекрасно. Так хрупко. Для них смерть была путешествием к Тростниковому Полю.

– Что ты говоришь-ш-шь? Если так, зачем они уложили труп в такое количество каменных ящиков один в другом? Они хотели, чтобы он никогда оттуда не выбрался.

– Они его заботливо оберегали, – начала фантазировать Александра. – Хотели, чтобы его ба могла воспользоваться его телом. Или это была ка?..

Теперь именно Александра стала почитательницей Египта, желающей уберечь его хрупкие древности от разрушительного цинизма, хотя изначально идея поездки в Египет принадлежала Джейн. Но за плечами Александры было два года приспособления к вдовству, а за плечами Джейн – всего десять месяцев. Она продолжала без конца поминать Нэта Тинкера, словно надеялась заклинаниями вернуть его. Однако он тоже был замурован во множество вложенных друг в друга каменных ящиков.

* * *

На следующий день, как только они совершили перелет в Луксор и были перевезены на борт «Гора», наступило, как наверняка сказал бы Нэт, блаженство. По ночам, пока корабль нес их к очередному причалу и очередному храму, урчание двигателя в значительной мере поглощало храп Джейн, хотя в маленькой каюте кровати стояли близко друг к другу. Днем берега Нила проплывали мимо, словно перед глазами разворачивался нескончаемый свиток. Буйволы, ходящие по кругу, и колодезные журавли, поднимающие и опускающие головы, как буровые качалки, только деревянные, орошали водой зеленые поля, раскинувшиеся под небом, безоблачно-синим, словно крашенный купол, а между тем на борту «Гора» туристы, улыбающиеся и кивающие друг другу поверх множества языковых барьеров, плавали в маленьком – не более чем на два гребка в поперечине – квадратном бассейне, нежились на солнце, сидя в шезлонгах на палубе, выпивали, поклевывая арахис, который здесь назывался *судами*, и постепенно коричневели под набирающим силу солнцем.

– Знаешь, почему египтяне такие счастливые? – спросила у Александры Джейн, лежавшая в соседнем шезлонге.

– Нет. Почему?

– Потому что они живут на Ниле.

– Вот как?

Сначала круиз взял курс на юг от Луксора, к Эсне, расположенной в топком месте рядом с рынком, где были разложены неаппетитные куски забитых волов, например их нёба. Теперь гидом группы была женщина, эффектная, без платка на голове мусульманка в блестящих черных шелковых слаксах, с крупными серебряными браслетами на запястьях и широким ожерельем на шее, оттенявшим ее оливковую кожу.

– Гигантская плотина в Асуане, – объясняла она, – подняла уровень воды, которая затопила нильскую долину. Фундаменты Эсны превратились в кучу размокших печений. – Мягкая земля у них под ногами действительно почти чавкала, как грязь.

На следующий день они сошли на берег в опаленном солнцем Эдфу с его расположенным на высоком обрыве храмом – наиболее полно сохранившимся памятником Нового царства.

– Зэ-гэ-пэ, – вещала женщина-экскурсовод; ее отягощенные множеством колец пальцы порхнули в направлении изысканных рельефов. – Зады, груди и лупки – вот по чему мы узнаем греко-римский стиль. Египетские скульпторы старались следовать старым традициям, но руки и глаза их не слушались. Они скругляли конечности и обнажали колени и мизинцы на ногах. Более древний стиль, всегда стремившийся к совершенству, требовал изображения обеих ступней с большими пальцами ног, направленными к зрителю. Греки и римляне не могли этого себе позволить, это выглядело бы слишком смешно. Они приоткрывали лишь одну ступню с пальчиком, направленным в сторону зрителя, вот так. Ересь! – Она рассмеялась, сверкнув зубами из-под больших солнцезащитных очков и соломенной шляпы с загнутыми полями, ровно надевой на голову.

Следующий день привел их к очаровательному Ком-Омбо, двойному храму, посвященному богу-крокодилу Собеку и Гору-Хорусу с головой сокола перед битвой со своим дядей Сетом, который умертвил его отца Осириса. Экскурсовод с бликующими на солнце браслетами и гибким серебряным воротником повела их в комнату, где на потолке было изображение распростертой от края до края богини неба Нут в момент произведения на свет младенца Гора-Гарпахрада. Еще днем позже славный милый «Гор» доставил их к храму на острове Филе; храм по камешку перенесли сюда с прежнего места, чтобы спасти от поднимающихся вод озера Насер.

– Это, – рассказывала мусульманка-экскурсовод под гулкими сводами залов пересаженного храма, – последнее место, где исповедовали старую религию. Она сохранялась до шестого века нашей эры, то есть в течение еще двухсот лет после эдикта триста семьдесят восьмого года христианского римского императора Феодосия Первого, после чего здесь устроили церковь. Вон там, – она указала баклажанного цвета ногтем на едва различимое маленькое углубление, – было изображение Исиды, кормящей грудью Гора, которое превратилось в изображение Девы Марии, кормящей грудью младенца Иисуса. Культ Исиды был широко распространен в Римской империи. Она была идеальной вдовой, собравшей четырнадцать из пятнадцати фрагментов тела своего мужа, которого злобный Сет заточил в саркофаг и утопил в Ниле. Пятнадцатого фрагмента она так и не нашла. Леди, вы наверняка догадываетесь, что за фрагмент это был.

Нильская ладья перевезла их в Асуан, место, где находятся великая плотина, построенная русскими, гробница Ага-Хана и сады лорда Китченера, куда и причалила их живописная фелюга. На обратном пути грубый брезентовый навес над фелюгой откинули, чтобы они могли полюбоваться кроваво-красным закатом. Пока две вдовы сидели на постепенно остывающей палубе «Гора» в ожидании колокольчиков, сзывающих на ужин, на фоне темнеющего неба носились летучие мыши. Джейн вытянула руку по направлению к ним и произнесла голосом, еще более хриплым и низким, чем обычно, смертоносные слова: «Мортибус, мортибус нецессе ест. Цабаот, Эльчим, Мессиах и Йод, аудите!»

На пламенеющей западной оконечности небосвода – восточная его часть уже была черной и окропленной начинавшими зажигаться звездами – Александра увидела маленькую черную тень, которая, внезапно прекратив свои стремительные челночные метания над рекой в

урожайной погоне за насекомыми, отвесно, как сломанный зонтик, вонзилась в неторопливое свечение реки.

– Джейн! – воскликнула Александра. – Зачем ты это сделала?

– Чтобы убедиться, что я все еще могу. Все эти липовые заклинания на храмовых стенах меня немного взбесили.

– Бедная невинная летучая мышь – для нее это было отнюдь не «немного».

– Не будь сентиментальной, ангел. Ты знаешь, какая бессердечная сука эта Природа. Думай о стрекозах, которых я только что спасла от острых зубов летучей мыши.

– О Джейн! Ничто не сравнится с тем, что мы сделали с бедняжкой Дженни. Заговоры, проклятия и все такое. Мне бы так хотелось верить, что ее смерть не была нашей виной.

– Она посягнула, – припечатала Джейн с тем же злобным шипением, с каким до того произнесла: «Нецес-с-се эс-с-ст». – Она перешла границы ей дозволенного.

– Единственное, что она сделала, – это сказала «да», когда Даррил попросил ее выйти за него замуж. А зная, как он потом развалился на куски, мы должны лишь радоваться, что он не сделал предложения одной из нас.

– Если бы он сделал предложение одной из нас, быть может, он не развалился бы на куски.

– Я вот говорю «развалился на куски», но, в сущности, он никогда и не был вполне цельным. Он был мистификацией, – подытожила Александра с оттенком презрения.

– Даррил был, а Гор нет? Послушай, с-с-сладкая моя, древние египетские жрецы, должно быть, животы надрывали от смеха, думая о том, какую лапшу они вешали всем на уши не день, не неделю, а целое тысячелетие! Что там сказала экскурсовод в Эдфу? Только один храм Амуна в Тебесе¹³ получил от Рамзеса Третьего полторы тысячи квадратных километров – десять процентов всей тогдашней пахотной земли! Неудивительно, что нубийцы, гиксосы и кто там еще постоянно лезли туда. Это была очень нездоровая с-с-ситуация.

Мысль повисла в воздухе столь неподвижно, что Александре показалось, будто она слышит тонюсенький писк оставшихся в живых летучих мышей, лихорадочно работающих своими эхолокаторами. За проведенные на Ниле дни черноволосая Джейн сильно загорела, и ее лицо почти сливалось с окружающей темнотой. В сумраке кормовой палубы ее присутствие выдавали лишь улыбка, мерцание драгоценностей на шее да серповидный блик на поверхности ее дайкири. Чтобы прервать тишину, Александра спросила:

– Интересно, что чувствуют бармены и официанты, постоянно накачивая нас алкоголем?

– Отвращение, – ответила Джейн. – Тем не менее делают они это прекрасно. Мой дайкири превосходен. А как твой сауэр с виски?

– Отличный. Я вот думаю: здесь ведь существует целая популяция мусульман, обслуживающих людей с Запада. Когда «Аль-Каида» захватит власть, она наверняка выкинет их. Или, может быть, казнит, как безнадежно нечистых?

– «Аль-Каида» не захватит власть. Кому, в конце концов, нужно то, что они могут предложить?

– Не тебе и не мне, но... народу? Бедным, униженным и всяким таким. Им нужна религия, любой ценой. Вот почему я и думаю, не слишком ли ты строга к древнеегипетскому духовенству?

– А меня это заставляет задуматься о евреях, – заявила Джейн, от рома у нее начали скакать мысли. – Они-то как попали в эту религиозную ловушку? Ведь обычно они такие смышленные. Авраам едва не полос-с-снул собственного с-с-сына по горлу ножом только потому, что Бог велел ему это сделать, – ну не идиот ли?

Александра примирительно предположила:

¹³ Тебес – столица объединенного Египта во время правления XVIII–XX династий. Теперь на месте Тебеса находится Луксор.

– Я где-то читала, что все это – пленение и исход – события не исторические. У египтян об этом не сохранилось никаких письменных свидетельств – ни о Моисее, ни о камышах, ни об «Отпусти мой народ».

– А я в это никогда и не верила, – сказала Джейн. – Ни во что. Даже когда была маленьким ребенком. Нэт исправно посещал церковь – епископальную, «высокую» церковь, как и его нелепая мамаша, – но я никогда с ним туда не ходила, только на венчания и отпевания. Это мошенничество меня просто бесило. Я хочу, чтобы меня кремировали, чтобы от меня не осталось ничего, кроме праха, и чтобы все разошлись довольные, что это случилось не с ними. Никакого шаманства, Лекса. Обещай.

– Джейн, – вздохнула подруга, – ты слишком сурова по отношению к нам. К нам всем.

Джейн было что ответить, но в этот момент ресторанные колокольцы запели свою прелестную мелодию, которая напоминала первые шесть нот популярного рождественского гимна, впрочем, может, так только казалось.

Той ночью рокот двигателей и бурление воды разбудили Александру, впервые за долгое-долгое время заснувшую крепким сном, – корабль отошел от пристани и направился обратно к Луксору, к островерхим обелискам и круглым храмовым колоннам Карнака, откуда культ непристойного Амуна, «великого бога», протянул свои щупальца через всю плодородную нильскую долину. Пассажиры «Гора» уже отдали дань чудесам восточного берега. На свернутых трубочками пленках доцифрового «Кэнона» Александры хранилось много образов грандиозных руин, глубоко высеченных иероглифов и царских картушей, которые, несмотря на веками бомбардировавшие их фотоны, насылаемые ясным синим небом, сохранили в сухом воздухе пустыни острые, как лезвие ножа, очертания и четкие тени. На обратном пути туристам предстояло освоить противоположный, западный берег Нила, берег смерти, посетить Долину царей, Долину цариц, колоссы Мемнона и очаровательный мемориальный храм царицы Хатшепсут, вдовы собственного сводного брата Тутмоса Второго; после его смерти она стала регентшей при своем малолетнем пасынке и полуплемяннике Тутмосе Третьем и правила, пользуясь всей полнотой фараоновой власти; на монументах она изображалась в мужском платье и даже с бородой, хотя в письменных документах по-прежнему именовалась в женском роде. После ее смерти к власти пришли реакционеры под предводительством ее неблагодарного племянника, ее картуши были стерты, ее памятники «перепрофилированы» и упоминания о ее мирном, разумном правлении отовсюду вычеркнуты.

– Бедная старая ведьма, – сказала Джейн.

Когда минули периоды Древнего и Среднего царств, пирамиды строить перестали. Монархи Нового в течение четырех веков благополучно угасали, их ка отправлялись к Тростниковому Полю, а тела упокоивались в могилах-пещерах, которые выдалбливали в известняковых скалах на склонах Фиванских гор неподалеку от бухты Дейр-эль-Бахри. Освещение проникало внутрь пещер от снабженных линзами масляных ламп и благодаря зеркалам, улавливавшим и пересылавшим солнечные лучи в глубину твердого известняка; каменотесы рубили камень, пробивали тоннели и грузили обломки в вагонетки при этом заимствованном свете. Художники, которые шли следом, зарисовывали – головы и ноги в профиль, груди во фронтальной проекции – процессии слуг, которые несли для замурованных запасы фруктов и напитков, а также смену свечей – все, что нужно для путешествия через Нижний мир. Сцены пиршеств, сбора урожая и рыбалки иллюстрировали жизнь, которую покойные оставили позади, и ту, что ждала их впереди. Эти картины подобны партитурам музыкальных произведений, исполнить которые могли лишь мертвые, ибо только у них имелись необходимые инструменты. Первая картина слева традиционно изображала дары Амуну в облике Ра, солнечному богу с головой сокола, который на последующих картинах являлся и старцем, и в момент рождения – в образе барана и образе жука – с солнечным диском, начертанным между двумя его врагами: змеей и крокодилом.

Шаркая, туристы спускались в подземные захоронения при свете не масляных, а бледных электрических ламп, свисающих с известняковых потолков, испещренных следами камнетесных инструментов; они шли по наклонным настилам, проложенным над ямами и нишами-ловушками, устроенными для грабителей и замаскированными ложными дверями, по ведущим все глубже под землю коридорам, стены которых украшали росписи с изображением ритуала разверзания уст, который жрецы проводили перед статуей фараона, в зал с колоннами, непосредственно предшествующий погребальной камере, где в прямоугольных нишах покоились саркофаги.

– Забавно, – рассказывал гид, человек с козлиной бородкой, в пыльном, обшарпанном костюме и очках в проволочной оправе, ученый-археолог, согбенный и высушенный жизнью, проведенной в могилах, – что высеченный в форме тела гранитный саркофаг Мернептаха оказался слишком тяжелым, его не смогли оттащить в глубину погребальной камеры, поэтому оставили при входе в углу, скособоченным, где он и простоял три тысячи лет! – Он позволил себе короткий смешок, снял очки, стер пыль со стекол носовым платком, вернул платок в боковой карман брюк, а очки (с заушными дужками, как в ножны, вставленными в телесного цвета «рукавчики») – на нос и признался своей скученной в душной камере маленькой аудитории: – Камнетесы-могильщики не были суперменами, они были обыкновенными людьми – ленивыми, рассеянными и отнюдь не высоконравственными. Посмотрите сюда: в этой боковой нише настенная картина была прорисована серыми чернилами, но так и не закончена, ее так и не раскрасили! Однако мне кажется, что такие, незаконченные, они очаровательны. Здесь ощущаешь руку художника, видишь нетерпеливые штрихи, нанесенные тысячелетия назад. Даже имея впереди столько времени, он спешил. Он не знал, что мы придем и будем критиковать его работу!

Александра дышала с трудом. Словно нечаянно оступившись в полутемном помещении с наклонным полом, она нарочно потерлась о Джейн, чтобы ощутить теплоту другого, живого пока тела. Все вокруг утверждало: спасения нет! Нет спасения, какие бы сильнодействующие и роскошные шоу ни устраивали религии, чтобы защитить нас от смерти. Не существует никакого чуда, мир тверд и ясен, как известняк у нее над головой.

Восстав из гробницы Мернептаха, туристы, ослепленные, как летучие мыши, жестоким солнцем, толпой направились к усыпальнице Рамзеса Шестого, одной из самых больших, а потом – к гробнице Тутанхамона, одной из самых маленьких, вход в которую был утерян на три тысячи лет, заваленный каменными обломками, образовавшимися при строительстве первой.

– Они трогательны, не правда ли, – обратился к ним с вопросом гид, – эти маленькие пустые камеры, посвященные мертвому царю-ребенку? Они кажутся слишком маленькими для царя. Считается, что строились они для его главного министра Аи, который унаследовал трон после него и, возможно, отравил его. Чтобы, как говорите вы, англичане, посыпать рану солью, Аи впоследствии использовал для себя гробницу в Западной долине, изначально предназначавшуюся для Тутанхамона и расположенную рядом с гробницей его деда Аменхотепа Третьего, который на самом деле, возможно, был его отцом. Так говорят, но для серьезных ученых это не более чем сплетни. Не вызывает сомнений, однако, то, что Тутанхамон был инструментом, если не зачинщиком, восстановления культа Амуна, дезавуируя таким образом революцию Аменхотепа Четвертого, который принял имя Эхнатон. Об Эхнатоне вы, без сомнения, достаточно наслушались от других гидов: религиозный радикал, возможно безумец, который возжелал отменить культ Амуна и многобожие в пользу Атона – солнечного диска. Он перенес столицу Египта из Фив в город, который построил и назвал Эхнатоном. Тутанхамон унаследовал власть после его зятя Сменхкары и сам был его зятем, поскольку еще в детстве его женили на третьей дочери Эхнатона. Тутанхамон был грустным десятилетним мальчиком, когда вззошел на престол, и девятнадцатилетним юношей, когда умер. Изначально он назывался Тутанхатоном – от имени солнечного диска. Но затем переименовал свои убеждения – так правильно сказать по-

английски? – и вернул жрецам Амуна, чье имя означает «сокрытый бог», их былую власть. Изменил ли он свои убеждения на самом деле? Кто знает... Египет мог принять монотеизм задолго до вторжения ислама. Вы, конечно же, все видели сокровища Тутанхамона, составляющие славу Каирского музея. Вы можете себе представить их в беспорядке напиханными в эти маленькие камеры? От этого становится грустно, не правда ли? Жрецы использовали юношу, чтобы вернуть Амуна, а потом спровадили в загробную жизнь – вероятно, отравили. В древности политика была не менее поучительной, чем теперешняя.

Этой репликой он заслужил вежливые, усталые, озадаченные смешки. Если он имел в виду Мубарака, то играл с огнем. Если Буша и Шарона, то это была преднамеренная грубость. Так или иначе, пресытившиеся гробницами туристы хотели пить, и пора было возвращаться на корабль, в бар, за судани и араком со льдом, а на следующее утро вылетать в Каир, в Париж, во Франкфурт, Токио, Нью-Йорк. В аэропорту Кеннеди, этом старом обшарпанном порту в воздушном океане, Джейн и Александра, проведенные вместе, без перерыва на выходные, двенадцать дней, делившие друг с другом ванные комнаты и ночную темноту, выговорившиеся до предела, весьма надоевшие друг другу, если честно признаться, были готовы расстаться и отправиться восвояси: Александра в Форт-Уорт, Даллас, и далее в Альбукерк, Джейн – в Ла-Гардиа, откуда шаттлом – до Бостона.

– Я получила большое удовольствие, – промурлыкала Джейн голосом, в котором особого удовольствия отнюдь не ощущалось. – Как замечательно было побыть с тобой, Великолепная.

– Я наслаждалась каждую минуту, – солгала Александра. – Нил, жара, корабль, пирамиды, гробницы... Эти настенные росписи – смуглые люди с прямыми волосами и миндалевидными глазами за своими повседневными занятиями: присевшие на корточки, за едой, что-то несущие, срезающие папирус. Или играющие на арфе – помнишь ту картину? Они любили жизнь. Кажется, анкх, так они ее называли?

– Да. Давай в ближайшее время еще куда-нибудь съездим.

– Насколько ближайшее? Я ведь не ты. Мне нужно накопить денег и передохнуть.

– Год или два?

– По-моему, было бы чудесно, – Александра сделала робкую попытку прощупать почву, – если бы Сьюки могла поехать с нами. Мы с тобой обе склонны к депрессии. У одной настроение вверх, у другой – вниз. А Сьюки не такая. У нее характер ровный. Но она ведь еще замужем, – напомнила она себе самой.

Джейн странно – искоса, с недоверием – взглянула на нее своими блестящими, цвета черепашого панциря глазами и спросила:

– Замужем? Так ли?

Она спрятала легкий намек на улыбку в левый уголок губ, и две ведьмы посреди дряхлого международного аэропорта, едва коснувшись губами друг друга, обнялись и расстались.

* * *

Сьюзан Митчелл, как она стала называться, выйдя замуж за веселого рыжеволосого Ленни Митчелла, была писательницей скромного ранга – провинциальная журналистика, любовные романы в бумажных обложках, – но тем не менее писательницей, к тому же она состояла в браке с успешным торговцем компьютерами, поэтому для нее стало второй натурой сидеть перед гудящим светящимся экраном и, тюкая по клавишам, запечатлевать мысли, пронесившиеся у нее в голове. Александра развернула гладкие, отпечатанные на лазерном принтере странички и прочла:

Милая, милая Лекса!

Джейн, с которой мы довольно часто видимся после печального события, которое я опишу через минуту, насаждает на меня, чтобы я тебе позвонила, но мы так давно с тобой не общались, что я робею. Близость, связывавшая нас всех в Иствике, в значительной мере обуславливалась тем, что мы постоянно жили там и каждый день могли случайно встретиться на Док-стрит, и ты могла спонтанно предложить: «Давай-ка заглянем в „Немо“ и выпьем по чашечке кофе», и наши дети учились в одной и той же местной школе, у одних и тех же учителей, на которых мы могли друг другу пожаловаться, и все мы страдали от одной и той же мерзкой погоды и одних и тех же унылых вечеринок, и в полдень слышали, даже не осознавая, что две другие тоже слышат ее, одну и ту же пожарную сирену, делившую день надвое, и испытывали одинаковое чувство уютной обособленности, поскольку Бостон и Нью-Йорк находились далеко по разные стороны горизонта, а Провиденс, хоть и располагался гораздо ближе, почему-то – может, из-за своего отталкивающе-религиозного названия – был местом, от которого хотелось держаться подальше.

Коннектикут оказался совсем другим. Города здесь расположены ближе друг к другу, хотя и не толпятся, наталкиваясь один на другой, как в северном Нью-Джерси – вот уж действительно отвратительно, – и имеют более «денежный» вид (как ни неприятно мне это писать – звучит снобистски) даже в тех районах, которые населены мелкими ремесленниками и нянями. Здесь нет восхитительных затерянных уголков, нетронутых заболоченных пустошей с забытыми утиными засидками и кем-то выброшенными гниющими полосатыми матрасами, – мест, каких полно в Род-Айленде, несмотря на его малость. Свалки, если говорить о свалках, потрясающе хорошо организованы для повторной переработки мусора: бумага в одном мусоросборнике, стекло в другом, цветное стекло в третьем, жестяные банки в четвертом, то есть подъезжай, грузи, а потом сваливай четко рассортированный мусор в нужное место. У них даже леса, которые они оставляют как естественно-природные, выглядят прополотыми: упавшие деревья немедленно удаляют, подлесок вырубают, и все это имеет такой же вид, как английский прибрежный лес в фильмах о Робин Гуде, в котором даже мы, доверчивые дети, распознавали голливудскую декорацию. Городские центры здесь маленькие и непременно изобилуют старинными вывесками-выносками (обожаю это выражение, так же как «старики-обноски»), а детские площадки для игр и школьные спортивные ухожены до последней травинки. Чтобы увидеть пустырь, нужно ехать в Бриджпорт, чего никто не делает. Если помнишь, я родом из северной части штата Нью-Йорк, где все выглядит так, словно не принадлежит этому веку, – я, разумеется, имею в виду тот век, который ушел и минул к настоящему времени, старый добрый двадцатый. В нашей нью-йоркской провинции все выглядело как в девятнадцатом. Когда Ленни Митчелл привез меня сюда, я поверить не могла, что жизнь может быть такой закомплексованной, здесь все постоянно держали в уме город Нью-Йорк, даже Стэмфорд, когда он еще был бедным родственником Гринвич-Виллиджа; так продолжалось, пока все компании, спасаясь от городских налогов, не пооткрывали здесь свои филиалы и не понастроили хрустальных небоскребов из голубого стекла, почти таких же уродливых, как в Хартфорде. Наш участок, ближе всего примыкающий к шоссе Мерритт, пока не слишком затронут; это «наш»,

то есть принадлежащий Ленни и мне, – оговорка, и здесь мне нужно перевести дух. Я начинаю хлюпать носом, и в горле першит, когда я думаю о нем. Но что касается всех этих пригородов, должна сказать: когда имеешь под боком такой большой город – Большой Город, если говорить о Соединенных Штатах, – это заставляет тебя постоянно ходить на цыпочках и в то же время деморализует, потому что мы живем не совсем в нем, но мы обитаем в его ауре, так сказать. Рестораны, магазины и салоны красоты недотягивают до манхэттенских стандартов, но тужатся, и даже все те, кто не ездит из пригорода на работу и обратно, местные торговцы и иже с ними, имеют нечто нью-йоркское в характере: ведут себя вызывающе, неуступчиво, любят прихвастнуть и так далее – наверное, как англичане, когда они имели империю, а потом случился лондонский блиц¹⁴. Но люди здесь не знают друг друга так, как знали друг друга иствикцы; они приезжают и уезжают, переселяются в более престижные районы города, и все в душе страшно одержимы духом соперничества, все меряют друг друга по нью-йоркским меркам. Я быстро усвоила урок: здесь мне не приходилось рассчитывать на успех с писаниями, которыми я зарабатывала на жизнь в любом другом месте. Мой агент живет рядом, в Южном Норуолке, и без него я бы до сих пор вела колонку сплетен в газетенке какого-нибудь захолустного городка, хотя, надо признать, все эти маленькие провинциальные газетки умирают под напором блогов и имейлов, да и маленьких городков странным образом больше не осталось – только огромные торговые моллы, вытянувшиеся вдоль шоссе магазины с парковками и дома, в которых живет обслуживающий персонал; и даже сплетен, как во времена, когда все были более ограничены в сексуальном поведении, больше не существует. Я думаю, ограничение было ключом к своего рода энергии, которая питала людей раньше; нас не сжигало изнутри так, как сжигает теперь двадцатилетних со всеми их шараханьями. Наверное, все это звучит ханжески, но ты-то знаешь, что я не ханжа.

¹⁴ Лондонский блиц – ночные бомбежки Лондона немецко-фашистской авиацией в 1940–1941 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.